

Сергей ЛЕСНОЙ



ИСТОРИЯ РУССОВ

ДЕРЖАВА
ВЛАДИМИРА
ВЕЛИКОГО



Неведомая Русь

Сергей Парамонов

**История руссов. Держава
Владимира Великого**

«ВЕЧЕ»

1960

Парамонов С. Я.

История руссов. Держава Владимира Великого /
С. Я. Парамонов — «ВЕЧЕ», 1960 — (Неведомая Русь)

Книга Сергея Лесного – не унылый в своем спокойном однообразии учебник истории, где все разложено по полочкам и обычно не пробуждает ни эмоций, ни мыслей. Напротив: эта книга (уже третий том в нашем издании «Истории руссов») подарит вам настоящий калейдоскоп неординарных идей и нераскрытых тайн, собрание не схожих друг с другом заметок и очерков – полемичных, напряженных, не отпускающих внимание читателя даже тогда, когда тема еще не доработана, не отшлифована автором. Сергей Яковлевич Парамонов, писавший под псевдонимом Сергей Лесной, жил в эмиграции в Австралии, а печатался в Париже и Мюнхене. В этой и других своих работах он затронул темы, которые не исчерпаны и сейчас, полвека спустя. Загадки древнейших летописей и первых русских христиан; «вечная» проблема призвания варягов и происхождения княжеской династии; истолкование «Влесовой книги», донныне вызывающей страстные споры; уникальная система меховых денег Северной Европы, забытая в других странах, но сохранявшаяся на Руси... Эта книга – не свидетельство о прошлых исканиях, а послание в будущее, – в те исследования древнерусской культуры, которые еще впереди.

© Парамонов С. Я., 1960

© ВЕЧЕ, 1960

Содержание

От издательства	6
Часть 1[1]	8
1. Фонетика древних руссов на основании изучения венгерского языка	8
2. Древнееврейский источник о потомках Яфета	11
3. Дополнения и фактические исправления к книге М. И. Тихомирова «Древнерусские города»	16
4. Сообщение Феофана о руссах VIII в.	26
5. Краткий конспект истории Древней Руси	29
6. Несколько слов «pro domo sua»[59]	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Лесной

История руссов. Держава

Владимира Великого

© Лазарев Е.С., предисловие, переводы, научные комментарии, приложения, 2012

© ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От издательства

Книга, которую вы держите в руках, необычна. Это вообще не совсем книга в привычном смысле слова! Дело не в выборе тем и сюжетов: они-то как раз захватывающе интересны и вполне подходят под категорию неразгаданных тайн древнейшей русской истории (и предистории). Но все эти сюжеты совершенно не выстроены так, как это обычно бывает в книгах; они не ведут читателя от интригующей завязки, постановки какого-нибудь еще не решенного вопроса к сенсационному, разоблачительному и т. д. (пусть гипотетическому) выводу. Перед вами – набор очень разных по форме и тематике очерков, более или менее кратких заметок, эскизов и эссе (иногда это рецензии на какую-либо книгу). Они зачастую связаны друг с другом лишь тем, что имеют отношение к древнерусской истории и культуре, как это бывает в черновиках, предварительных материалах, собираемых для написания книги.

В чем причина? Исключительно в «оргмоментях»: автор, русский эмигрант Сергей Яковлевич Парамонов (псевдоним – Сергей Лесной; 1894–1967), живший в Австралии, публиковал эти эссе в Париже и Мюнхене, причем второпях, не дорабатывая текст, а подчас даже не перечитывая наброски, иногда с произвольными сокращениями слов, о которые спотыкается читатель. Впрочем, в нашем издании мы эти сокращения развернули, чтобы вам не нужно было из контекста догадываться, что, скажем, «спис. г.» означает «список городов». С. Лесной сам не отшлифовал текст этих очерков просто потому, что ему неожиданно представилась редкая для эмигранта возможность – поделиться с читателем своими неординарными мыслями о глубоко волновавшей его древнерусской истории, мыслями действительно важными, даже если это была и не разработка, а лишь постановка какого-то вопроса. Автор честно констатирует это обстоятельство, когда пишет, что его книга, «как это, очевидно, ясно для читателя, не представляет собой итогов многолетней работы, где все приведено в порядок и систематизировано. Нам приходится печатать, так сказать, на ходу, не дожидаясь подчас необходимой шлифовки, ибо лучше дать хоть нечто, чем ничего не дать. Обстоятельства не позволяют опубликовать труд в такой форме, как этого хотелось бы».

Как только тот или иной очерк приобретал сколько-нибудь читабельный вид, автор отсылал его издателям. А те, в свою очередь (возможно, не вполне владея русским языком), не брали на себя задачу общей редакции, организации текста книги и верстали присланные материалы в порядке поступления, не пытаясь их как-то выстроить (скажем, в хронологической последовательности рассматриваемых автором сюжетов, что было бы уместно в книге с названием «История руссов»), или расположить рядом близкие по теме очерки. К тому же их сюжеты не всегда до конца проработаны. Иногда С. Лесной предоставляет решение сформулированных проблем самим читателям (допустим, владеющим древнегреческим языком) или будущим исследователям. Порой отсутствие обоснованных выводов явно объясняется тем, что автор в Австралии середины XX в. просто не имел элементарного доступа к необходимым для исследования печатным источникам, в отличие от нынешней эпохи, когда многие редчайшие старые издания, в том числе на древних языках, доступны в Интернете в факсимильном варианте, исключая дефекты повторного набора (если, конечно, пользователь Интернета умеет их читать).

Но чтобы не побуждать наших читателей обязательно изучать древнегреческий и латынь (хотя в принципе это дело полезное), чтобы облегчить восприятие этой увлекательной и проблемной книги, мы пояснили некоторые вопросы в постраничных редакционных примечаниях, а кое-что более масштабное, связанное с переводом многозначных и дискуссионных средневековых источников, вынесли в приложения. В примечаниях приводятся краткие справки о вскользь упомянутых С. Лесным (лишь по фамилии) историках, филологах и т. д.: иначе авторские высказывания выпадают из контекста его эпохи и его окружения (довольно далекого от

современных читателей, несмотря на обилие книг о русском зарубежье). В варианте, почти идентичном зарубежному, без детальной библиографической доработки, «История руссов» Сергея Лесного вышла в 2011 г. в Санкт-Петербурге, в издательстве «Потаенное» (в одном-томном формате). Издательство «Вече» сочло необходимым взять на себя труд комментирования текста, чтобы некоторые авторские мысли не «потерялись» за конспективностью изложения и непривычными сокращениями или не переведенными на русский иноязычными цитатами. Эта доработка, разумеется, не вторгается в сферу авторского текста и стиля, полемичного и напряженного, неизменно удерживающего внимание читателя. Сохранен в нашем издании и порядок расположения очерков.

Впрочем, проблемы, поставленные автором в этой, уже третьей (в нашем издании) книге из серии «История руссов», настолько глубоки, что их окончательное решение невозможно на уровне примечаний и комментариев. Один пример: очерк, с которого начинается этот том, – о древнеславянских заимствованиях в венгерском языке. Казалось бы, проблема чисто лингвистическая, узкоспециальная и формально неприемлемая для того, чтобы с нее начинать книгу (тем более что дальше эта тема не развивается). Но давайте обратим внимание вот на что: эти заимствования пришли в венгерскую речь более тысячи лет назад. С тех пор древнерусский язык очень сильно изменился; любой литературный памятник даже более поздних веков многократно переписывался, с неизбежными поправками на эпоху переписки. Слова же, пришедшие в свое время в совершенно иной язык, автоматически сохранились в его лексиконе, как в заповеднике! Изучая эти слова, мы постигаем их формы, бытовавшие еще в эпоху общеславянского единства. А это, в свою очередь, может прояснить «нечитаемые» места в древнерусских текстах, за которыми скрывается какая-нибудь «вечная» историческая загадка. И тех читателей, которые решат отправиться по путям, обозначенным автором этой книги (тут, несомненно, множество путей для исследователя), ожидают не только трудности первопроходцев, но и радостные открытия еще не расшифрованных страниц нашей древней и славной истории.

Е. Л.

Часть 1¹

1. Фонетика древних руссов на основании изучения венгерского языка

Венгры (угры или унгры древности), они же мадьяры, появились на землях, которые они занимают теперь, не раньше первой половины IX в. Здесь они осели и смешались в значительной степени с местным славянским населением. Это сожительство отразилось прежде всего на языке венгров, – будучи кочевниками, но ставши земледельцами, они вынуждены были заимствовать от славян огромное количество слов, связанных с оседлостью и земледелием.

Этот факт показывает с полной убедительностью, что в начале IX в. на землях нынешней Венгрии жили славяне. От славян венгры заимствовали такие слова, как *borona* (борона), *barazda* (борозда), *gozs* (рожь), *mak* (мак) и т. д.

Заимствования венгров в фонетическом отношении, в общем, довольно точны, хотя надо иметь в виду, что венгры обладают той же особенностью своей фонетики, что и многие тюркские народы (недаром древние греки² называли их «турками»), именно они не терпят сочетания двух согласных в начале слова. Чтобы избежать этого, они прибавляют спереди гласную, получается, например, *udvar* (двор), на самом деле же было бы просто *dvar* (следует иметь в виду, что венгерское «а» не имеет такого открытого звука, как широкое русское «а», а приближается к «о»).

Современные тюркские народы Средней Азии, следуя этому правилу, создают такие слова, как «истанция» (станция), «исклад» (склад) и т. д.

Изучая венгерский язык, мы имеем возможность не только узнать лексику тех славян, с которыми смешались венгры, но даже и их фонетику.

Возьмем характерную черту современного украинского языка: *стіл*, *потік*, *двір*, *обід*, *ріпа*, *сіль*, *підкова*, *січка* и т. д.; в них «о» или «е» переходят в острое «і».

У венгров мы встречаем соответственно: «*asztal*»³ (стол), «*patak*» (поток), «*udvar*» (двор), «*abed*» (обед), «гера» (репа), «*sô*» (соль), «*patkô*» (подкова), «*szecska*» (сечка) и т. д. Этот переход ряда гласных в «і» отсутствует и в говорах западных прикарпатских украинцев, где чаще говорят «конь», «народ» и т. д. Следовательно, «і» в современном украинском языке, скорее всего, результат современной эволюции языка, а не древняя, архаическая черта.

Характерное для украинского языка изменение «л» в «в» отсутствовало, напр., «*kolbasz*», а не «*kovbasz*» (колбаса).

Приведем несколько примеров славянских слов – орудий и предметов хозяйства, вошедших в венгерский язык: *kasza* – коса; *gereblye* – грабли; *lapat* – лопата; *veder* – ведро; *borona* – борона; *szan* – сани; *patko* – подкова; *jarôm* – ярмо; *palca* – палка; *szita* – сито; *ladik* – лодка (ладья); *abrencs* – обруч; *rosta* – решето; *szekercse* – секира; *jaszol* – ясла; *szena* – сено; *szalma* – солома и т. д.

Приведем названия некоторых растений: *ugorka* – огурец; *len* – лен; *mak* – мак; *kalasz* – колос; *kaposza* – капуста; *cseresznye* – черешня; *dinye* – дыня; *bab* – боб; *reték* – редька; *szilva* – слива; *javor* – явор. Особенно интересно слово «*bûk*» – бук, которое считается некоторыми нор-

¹ В этом томе «Истории руссов» – две части, которые в зарубежном, первоначальном издании соответствуют седьмому и восьмому отдельным выпускам. – *Примеч. ред.*

² Имеются в виду греки византийской, средневековой эпохи. – *Примеч. ред.*

³ Сочетание букв *sz* в венгерском произносится как «с». – *Примеч. ред.*

манистами отсутствующим у славян, – венгерское слово ясно показывает, что в начале IX века на южных склонах Карпат оно было обыкновенным народным «русским» словом.

Приведем также названия некоторых животных: *rava* – пава; *bolha* – блоха; *raj* – рой (пчел); *vidra* – выдра; *vereb* – воробей; *szuka* – сука; *medva* – медведь (не украинское «ведмідь»), *varju* – ворона; *szarka* – сорока; *galamb* – голубь; *bivaly* – буйвол; *rök* – паук и т. д.

Интересны слова, связанные с христианством: *pap* – поп; *püspök* – епископ (польское «бискуп»); *kereszt* – крест; *angyal* – ангел; *oltar* – алтарь; *abrazat* – образ; *kereszteny* – крещеный, т. е. христианин; *szent kereszt* – святой крест; *rogany* – поганый (язычник); *rokel* – пекло (*укр.*); *könyv* – книга.

Подобные слова ясно показывают, что христианство проникло к венграм через славян.

Весьма показательны также некоторые дни недели: *szerda* – среда; *csütörtök* – четверг (четверг); *pentek* – пятница, т. е. пенток. Интересна здесь весьма древняя славянская форма: «пять» в древности произносилось «пент»⁴ (эта форма встречается также во «Влесовой книге»); *szombat* – суббота.

Имеется также много названий предметов и общих понятий, одинаковых у славян и венгров: *udvar* – двор (совершенно ясно, что понятие «двор» было совершенно чуждо кочевнику, и он заимствовал его у своих оседлых соседей); *ulcza* – улица; *korcsma* – корчма; *halom* – холм; *beszed* – беседа; *vacsora* – вечера (*укр.*); *gat* – гать; *gatolni* – гатить; *ganaj* – гной; *szalona* – соломина; *kasa* – каша⁵; *ebed* – обед; *pecsenye* – печенье; *zsir* – жир; *malaszt* – милость; *borotwa* – бритва; *szomszed* – сосед; *lab* – лапа; *nyavalya* – неволя; *rab* – раб; *baba* – баба (восприемница при родах); *szolga* – слуга; *iga* – иго; *goromba* – грубиян; *gomba* – губа (интересно, что у украинцев до сих пор есть насмешливое выражение: «що ти гемби надув», – очевидно, в древности «губа» произносилось «гемба»⁶); *zalog* – залог (по-украински «отряд»); *szikra* – искра; *kalacs* – калач (украинское «колач», однако, более правильно, так как происходит от слова «коло», «круг»); *kavas* – квас (слово, известное со времен Аттилы!); *csorda* – череда (украинское «стадо»); *cseber* – ведро (по-украински «цеберко»); *olaj* – олея (растительное масло); *salata* – салат (слово не славянское, но, очевидно, заимствованное венграми через славян).

Интересны названия профессий: *takacs* – ткач; *kalapacs* – клепач; *kovacs* – коваль (кузнец), очевидно, венгры заимствовали прямо от корня «ковать»; *molnar* – млынар, т. е. мельник; также *malom* – млын (*укр.*), от «молоть», у русских мельник, мельница; *szilagyí* – шилодий⁷, т. е. делающий шило, и т. д.

Замечательны некоторые прилагательные: *görbe* – горбатый; *draga* – дорогой; *kurta* – короткий; *tisztu* – чистый; *puzsta* – пустой. Венгерская «Пушта» является словом заимствованным, – в древнем русском языке слова «степь» не было, употреблялось «пустыня», вариантом этого является «пушта».

Некоторое количество слов военного характера также заимствовано венграми: *vitez* – витязь; *sztrazsa* – стража; *vaida* – *сокр.* от «воевода»; *baj* – бой; *szablya* – сабля; *kalpag* – колпак; *palos* – половец.

Некоторые слова заслуживают особенного внимания, например, слово *drot*, по-украински «дріт» (в русском слово, очевидно, вовсе отмерло в данное время) означает «проволоку».

Интересно также слово «kas», т. е. «кот». Возможно, что в древности было два слова «кос» или «кош» (самец) и «кошка» (самка); во множественном числе было «косы» или «коши», что было переозвучено в «коты», отсюда из множественного в единственное перешло «кот».

⁴ Древнеславянские носовые гласные исчезли уже около тысячелетия назад, сохранившись лишь в западославянских языках. – *Примеч. ред.*

⁵ Буква s в венгерском произносится «ш». – *Примеч. ред.*

⁶ В польском языке это слово и сейчас произносится именно так. – *Примеч. ред.*

⁷ Сочетание букв gyí в венгерском можно передать кириллицей как «дыи». – *Примеч. ред.*

Мы не знаем в древности русского слова «кухня», у венгров – «konyha».

Интересно происхождение слова koliba – колиба, молдоване произносят «кулиба», – это шалаш из соломы, ветвей или тростника. Сколько можно судить, это слово не славянское, а одного из кочевых народов, которые оставили на Юге слова подобные: чабан (чобан) – пастух; кобыця (маленькая печь во дворе); кулиба; отара (стадо овец); герлыга (особая пастушья палка) и т. д. Здесь кочевники передали ряд слов земледельцам.

Мы не имеем возможности останавливаться здесь подробно на затронутом вопросе, углубиться значило бы писать особую филологическую статью, что вовсе не входит в наши задачи.

Приведенным выше мы показываем, что в этом направлении имеется огромное поле работы, работы для филолога, но работы, выводами которой будет заинтересован и историк. Во-первых, многое из норманистских бредней отпадет, а во-вторых, чтение древних источников станет яснее. Наконец, роль, местонахождение славян в древности будут уточнены.

2. Древнееврейский источник о потомках Яфета

Как известно, старинные авторы относили славян к потомкам Яфета⁸. Имеется древнееврейский источник, относящийся к X (или даже IX) в., трактующий о потомках Яфета, – это родословная таблица народов в книге Иосифа бен Горион, или Иосиппона, жившего в Италии в указанное время.

В этой таблице есть и несколько строк, посвященных славянам, кроме того, имеются данные и о соседних народах, которые могут быть полезны в оценке распространения древних славян.

К сожалению, источник этот дошел в явно растерзанном виде, и попытки его восстановления нельзя считать увенчавшимися успехом, однако некоторые части, безусловно, аутентичны и целы. Может быть, основная беда в том, что систематически этот источник все же не изучен⁹.

Начиная с XVI столетия (польский историк Лелевель) этим источником занимались многие, но сравнительно поверхностно. Русские историки вообще обратили на него мало внимания, ибо всегда занимались вопросами о Руси, суживая, а не расширяя их.

В 1874 г. А. Я. Гаркави в работе своей «Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве» (СПб.) дал перевод этого источника, снабдив его критическим разбором.

Дополнения были сделаны им в «Трудах IV Археологического Съезда», 1884, т. I («Некоторые данные по исторической географии и этнографии»).

В 1908 г. в «Журнале Министерства Народного Просвещения», кн. 2, с. 375, была помещена статья Ф. Ф. Вестберга «К анализу восточных источников о восточной Европе», где автор пытался дать свои толкования некоторым местам «Иосиппона».

В 1913 г. об этом же писал Г. М. Барац (мы пользуемся собранием его трудов, изданным в Париже в 1927 г., т. I, отд. 2, с. 747–755), но его попытка объяснения, безусловно, является неудачной, ибо Барац пользовался самым бесконтрольным методом перестановок и вся его работа носит любительский характер, в дурном понимании этого слова.

В советское время, по-видимому, никто этим источником серьезно не интересовался.

Источник гласит: «Вот племена потомков Яфета в странах, в которых они (племена эти) распространялись по языкам, странам и народностям своим.

Сыны Гомера суть Франки, населяющие страну Франца, по реке Франса, по реке Сена.

Рифат – это Бретонцы, населяющие страну Бретания, по реке Лера (Лоара). Реки же Сена и Лера изливаются в море – Океан, т. е. в Великое море». (Этим именем называли Атлантический океан. – С. Л.)

Таким образом, «Иосиппон» начинает перечисление народов Европы с Франции. Самый термин дает некоторые данные о времени написания «Иосиппона», ибо движение франков и захват ими Галлии отмечен довольно точными датами в истории.

Интересно, что бретонцы упоминаются рядом с франками, – очевидно, они играли тогда еще видную роль. Следует добавить, что под бретонцами в древности разумели кельтов, широко заселявших западную территорию современной Франции, отчасти Англию и Ирландию (именно последняя часто называлась Бретония). Далее «Иосиппон» перескакивает в совершенно другую область, что показывает, несомненно, плохую сохранность первоисточ-

⁸ Имеются в виду традиционные библейские представления о происхождении народов от потомков Ноя, спасшегося после Потопа. Европейские народы считались потомками Иафета (Яфета), отсюда и устаревший ныне термин *яфетиды*, долгое время использовавшийся в языкознании и этнографии. – *Примеч. ред.*

⁹ В науке признано, что «Книга Иосиппон» («Sefer Yosippon») в большой мере опирается на работы Иосифа Флавия, однако содержит и сведения из ныне утраченных исторических источников. – *Примеч. ред.*

ника, например, оторванная страница могла быть переписана ошибочно, т. е. сначала четная, а потом нечетная страница. Это могло привести к таким перескокам мысли, как в «Иосиппоне».

«Тогарма составляет десять племен, которые суть: Козар, Пацинак (так называли греки печенегов. – С. Л.), Аликанус (или Анкиалус), Булгар, Рагбина (или Рагабиб), Турки (так греки называли венгров. – С. Л.), Буз, Забук, Унгары (здесь венгры фигурируют самостоятельно, очевидно, какое-то отдельное племя «турок». – С. Л.), Тилмац (Далеминция). Все они живут на Севере, и страны их называются их же именами. Живут они по реке Гитил, т. е. Итил (Волга. – С. Л.), но Унгар, Булгар и Пацинак живут по большой реке, называемой Дануби».

В отношении сыновей Тогармы существуют две версии, которые полезно будет привести здесь: одна Carmoli (слева), другая Harcavi¹⁰ (справа):

1. Ougor 1. Ouyour (Ouïgour)
2. Tiras 2. Tauris
3. Avar 3. Avaz (Avar)
4. Aunin 4. Ougouz (Aghovane)
5. Bosil 5. Bizal (Bassil)
6. Tarna 6. Tarna
7. Khosar 7. Khasar
8. Zantor 8. Zantour (Iantour)
9. Bulgar 9. Boulgar
10. Saviour 10. Savir (Sabire).

В отношении последнего имени следует отметить, что вариант «савур», по отношению к обычным «савир» или «сабир», находят себе подтверждение в названии знаменитой «Савур-могилы» в Придонье. Вероятно, имя этого кургана дано от имени племени. Интересно знать: не содержит ли курган или курганы «Савур-могилы» останков сабиров? Небесполезны также данные, помещенные в книге: А. *Baschmakoff*. *Cinquante siècles d'évolution ethnique autour de la mer Noire*. Paris, 1937, p. 129–132 (*Études d'Ethnographie, de Sociologie et d'Ethnologie, tome 1*)¹¹.

В ней Башмаков цитирует «Histoire des Juifs», Joseph Ben Gorion, изд. 1544 г. в Венеции, с. 5: «Les Thogarma sont 10 familles, savoir: Khozar, Patznac, Alicanus, Bulgar, Ranbon, Turc, Bozi, Saboukh, Oungri et Tilimaz. Ces peuples habitent le Nord. Ils demeurent sur les bords du fleuve Hitel (Atel), excepté les Oungri, les Bulgares et les Patznacs (= Petchenegues) qui habitent près du grand fleuve Dobne (Danube)»¹².

Мы не имеем возможности разбирать здесь подробно вопрос о племенах Тогарма, – вопрос требует прежде всего серьезного текстологического исследования, отметим только, что «Иосиппон» перескакивает с реки Сены на Волгу и Дунай, описывая угро-тюркский комплекс народов, сидевших в степях Северного Причерноморья¹³.

«Сыны Явана суть Греки, населяющие Македонию». Почему ничего не говорится об основной массе греков в собственно Греции и районе Византия¹⁴ – неясно.

¹⁰ То есть это истолкования французского историка Элиакима Кармоли (Eliakim Carmoly, 1802–1875) и российского востоковеда Авраама Яковлевича Гаркави (1839–1919). – *Примеч. ред.*

¹¹ Цитируется изданная во Франции книга историка Александра Александровича Башмакова (1858–1943) «Пятьдесят веков этнической эволюции в Причерноморье». В ней Башмаков дает французский перевод фрагмента о племенах Тогармы из «Истории евреев» Иосифа бен Гориона. – *Примеч. ред.*

¹² Русский перевод этой цитаты из «Иосиппона» приведен двумя абзацами выше, однако названия народов и рек у А. А. Башмакова имеют заметные отличия от первой версии, что может быть весьма существенно для их углубленного исследования. – *Примеч. ред.*

¹³ Видимо, также и Поволжья. Можно добавить, в частности, что предков чувашей иногда именовали «суварами» (ср.: Savir «Иосиппона»). – *Примеч. ред.*

¹⁴ То есть в окрестностях Константинополя. – *Примеч. ред.*

«Мадай – это Азарлос, живущие в стране Бурсан (или Ворсан)». Ни одно из этих названий не поддается точной расшифровке. Догадываться можно только методом исключения либо если найдется аналогичное указание в одном из древних источников.

«Тубал – это живущие в стране Тошкана, по реке Пиша».

Указание на Тоскану здесь совершенно точное, очевидно, речь идет о каком-то племени вроде этрусков, с которым Бен Горион, как живший сам в Италии, был знаком. Обращает на себя внимание также то, что другие племена, жившие в Италии, упомянуты не в последовательности, а отдельно, – вероятно, результат плохой сохранности рукописи.

«Мешех (Мосох) – это Шибошни».

Эта фраза и следующая, вероятно, искажены.

«Тирас – это Русиш, Бошни и Англеси, живущие по Великому морю. Руси живут по реке Кира, текущей в море Гурган».

Бросается в глаза путаница: в одной группе оказываются народы, живущие у Атлантического океана и Каспийского моря.

Совершенно странно указание, что «Руси живут по реке Кира». Так как «море Гурган», вне всякого сомнения, Каспийское море, то река «Кира» – это Кура, что подтверждается смешением букв «и» и «у» в древних летописях, почти как правило.

Барац высказал, по-видимому, единственную верную догадку: речь идет не о «Руси», а о «Груси», т. е. грузинах. По-видимому, придыхательное «г» либо утратилось в самом произношении, либо вообще буква «гимел» («г») выпала из текста случайно. Таким образом, конец фразы расшифровывается совершенно удовлетворительно.

Зато начало отрывка о Руси несомненно искажено при переписывании. Допустим, что начало верно: «Мешех – это Шибошни», хотя «Шибошни» совершенно непонятно. Но далее следует: «Тирас – это Русиш, Бошни и Англеси, живущие по Великому морю».

Бросается в глаза, что после загадочного «Шибошни» через несколько слов встречается: «Руси – ш – Бошни», т. е. опять тоже «Шибошни». Вероятно, при переписке переписчик перескочил с одной строчки на другую и смешал фразы, касавшиеся «руси» и «груси».

Конечно, только сличение всех списков «Иосиппона» может дать шанс разгадать загадку. Что ошибка произошла, видно также из того, что «Руси» отнесена к Тирасу, а между тем вся старинная традиция, в особенности еврейская, сочетает Русь не с Тирасом, а с Мешехом (Мосохом) (см. например, историю России князя Щербатова).

Как бы то ни было, а согласно «Иосиппону», Русь жила где-то у Атлантического океана или, во всяком случае, у моря, вероятно, Балтийского.

Из всех исторических источников, исследованных нами, это единственный, где о Руси говорится как о чем-то отдельном от славян и живущем где-то у северного, а не южного моря. Это единственное сведение, которое можно было бы рассматривать, как говорящее в пользу норманнской теории¹⁵. К сожалению, место о Руси так искажено, что строить что-то на основании этого источника невозможно.

«Элиша – это Алемания, живущие между горами Юр и Шебтамо. От них [происходят]: Ломбарди, находящиеся за горами Юр и Шебтамо, покорившие страну Италию, и поселившиеся в ней по настоящее время по рекам Поо и Тишино, – воды же Поо изливаются в море Бондекия, – и Бургуния, живущие по великой реке Родани. От них [происходят также] Бардиа, живущие по реке Ренус, текущей в Великое море».

Этот отрывок дает представление о времени написания «Иосиппона» – племя ломбардов еще не растворилось среди итальянских племен. «Иосиппон» говорит здесь о народах по рекам Роне, Рейну, По, а также в районе Альп.

¹⁵ Это свидетельство может быть аргументом не в пользу норманнской теории, а указанием на балтийских славян, чья этнокультурная близость к Северной Руси убедительно подтверждается археологией. – *Примеч. ред.*

«Таршин – они вступили в союз с Македонией; от них [произошли жители города] Тарсос. Когда измаильтяне¹⁶ овладели землею Тарсос, то жители спаслись за границу сыновей Явана, воевавших с измаильтянами в Тарсосе».

Речь идет, очевидно, о каком-то небольшом племени Балканского полуострова. Почему оно упомянуто – трудно понять.

«Китим – это римляне, живущие в долине Канпания, по реке Тибро».

Опять упомянуто одно только племя Италии, изолированно от других. Содержание сведения не вызывает ни сомнений, ни комментариев.

«Доданим – это Данишки, живущие в городах, что при заливах моря – Океана, в стране Динамарка, Бардана, в Великом море – они присягнули не покоряться римлянам и укрылись в волнах Океана, но все-таки не устояли, ибо власть римлян простиралась до конца морских островов. Галицио, Кровати, Салки, Лицпи, Лавами, Карбад, Казреми и Базми: [все они] считаются сыновьями Доданим. Живут же они по морскому берегу, от границы Булгари до Бондекиа, откуда простираются до границы, до Великого моря; они-то и называются Саклаби¹⁷. Некоторые говорят, что они из сыновей Ханаана, но сами они производят себя из сыновей Доданим».

Первая часть отрывка не вызывает особых замечаний, – речь идет о датчанах, живших в стране Динамарка, а также, по-видимому, о Британии (Бардана).

Вторая часть посвящена целиком Саклаби, т. е. славянам, перечислен целый ряд племен их, среди которых легко узнать галичан, хорватов, карпатов и т. д.

Что речь идет о галичанах, а не галицийцах (испанцах, как думают некоторые), видно прежде всего из того, что они относились к славянам; во-вторых, рядом с галичанами перечислены их соседи: «кравати» (хорваты) и «карпы» (карпаты) – «карбад». Наконец, если бы речь шла о галицийцах, то следовало ожидать иного варианта самого слова, именно «галецио», так как страна называлась в древности «Gallecia».

Остальные славянские племена расшифровываются не столь достоверно или вообще не расшифровываются. Можно думать, что «Базми» – это либо «босны» (босняки¹⁸), либо «боэмы» (богемы), «лицпи» – по-видимому, просто «липци» (с перестановкой букв) – липяне с их городом Липецком (ныне Лейпциг). Следует помнить, что о распространении славян сказано, что они занимали пространство от Болгарии до Адриатического (Бондекиа) и до Балтийского моря; следовательно, «Иосиппон» знал южных и средневропейских славян.

Перейдем теперь к выводам:

1) «Иосиппон» должным образом не изучался, прежде всего текстологически; только сличив все списки, можно надеяться на расшифровку многих слов, а также на установление верного порядка текста.

2) Текст «Иосиппона», безусловно, искажен. За это говорят: а) разночтения слов в разных списках; б) непоследовательность изложения; в) несвязность строя и смысла их; г) наконец, явные описки: «руси» вместо «гуси» и т. д.

3) Перечислены не все народы Европы: пропущены испанцы и вообще все народы Пиренейского полуострова, скандинавы и восточные славяне. Упоминается, правда, «Азарлос», но это слово может относиться только к одному из неупомянутых по крайней мере трех народов, всех же их покрыть не может. Из этого можно заключить, что автор «Иосиппона» не был весьма осведомлен.

4) Перечислены потомки 11 сыновей Яфета, можно же ожидать, согласно традиции, перечисления 10 или 12, – значит, что-то с полнотой текста неладно.

¹⁶ Средневековое европейское название мусульман. – *Примеч. ред.*

¹⁷ *Сакалиба* – арабское название славян, широко известное в средневековом Средиземноморье. – *Примеч. ред.*

¹⁸ То есть боснийцы. – *Примеч. ред.*

5) Несмотря на краткость и несовершенство источника, «Иосиппон» может весьма помочь в деле расшифровки других источников древности, а также дать представление о распределении народов в IX в.

6) Время написания «Иосиппона» можно установить по употребляемой терминологии народов, но для этого необходимо серьезное исследование.

7) «Иосиппон» дает некоторое слабое указание в пользу норманнской теории – отрывом Руси от остальных славян и сближением с англичанами.

Необходимо тщательное изучение и переисследование источника.

3. Дополнения и фактические исправления к книге М. И. Тихомирова «Древнерусские города»

В указанной книге, вышедшей в Москве в 1956 г. 2-м изданием, имеются пропуски, неточности и некоторые сомнительные места, которые мы считаем необходимым исправить.

Прежде всего, Гуричев (с. 33, 286, 301–303) не имеет ничего общего с городом Юрьевом на реке Роси на южной границе Киевской Руси. Это город в Черниговской области, см., например, Московский Свод конца XV в.¹⁹, с. 57: «Не хотяху ити к городу (подразумевается, очевидно, Чернигов), но ста у Гуричева, Юрий же от Гуричева посла половци к Чернигову воевать». Синонимом Юрьева является Гурьев, но вовсе не Гуричев, поэтому последний должен быть восстановлен из синонимов.

Отрывок из Троицкой летописи (1950, с. 235): «И здумавше вси, поидоша к Чернигову, и перешедше Снов и стаха у Гуричева близь города, перешедше Канин», исчерпывающе ясен, давая точное представление о местоположении Гуричева.

Пропущенными оказались следующие города:

- 1) Аколякра, в устье Дуная, упоминается в списке городов русских (Новгородская Первая летопись. Издание 1950 г., с. 475).
- 2) Бая Родна (Рудня), город в Галицкой земле (указанный список городов, с. 475).
- 3) Белая Вежа, город в Переяславском княжестве (Троицкая летопись, с. 84).
- 4) Белгород, город на Днестре (список городов, с. 475).
- 5) Белобережье, город упоминается в списке городов Литовских, с. 475.
- 6) Бездеж, город ниже Енотаевска на Волге (Московский летописный свод, с. 175, 181, 182).
- 7) Бережие, город в Нижегородском княжестве (Троицкая летопись, с. 380).
- 8) Бережец, город упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 9) Березовец, город упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 10) Березуек (Березуйск), город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 11) Белев, город на Верхней Оке (Московский летописный свод, с. 260).
- 12) Болонеск, город на реке Оболони, на пути от Протвы к Смоленску, упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 13) Боровск (Ворожеск), город на реке Протве, список городов, с. 477.
- 14) Браславль (Браслаль), город упоминается в списке городов Литовских, с. 475.
- 15) Броницарев, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 16) Брын, город в Черниговской земле (Новгородская Первая летопись, с. 68, 274).
- 17) Брынеск, город упоминается в списке городов Волынских, с. 476.
- 18) Вевереск, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 19) Велиль, город упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 20) Велье, город в Псковской земле, в списке городов, с. 477.
- 21) Вертязин, город в Тверском княжестве (Троицкая летопись, с. 452).
- 22) Венев, город упоминается в списке городов Рязанских, с. 476.
- 23) Веница (Венича), город упоминается в городах Русских, с. 475.
- 24) Вердерев, город упоминается в списке городов Рязанских, с. 476.
- 25) Верея, город на реке Протве, список городов, с. 477.
- 26) Вешки, гор. (Московский летописный свод, с. 178).
- 27) Видычев, город на Дунае, упоминается в списке городов на с. 475.

¹⁹ Речь идет о Московском летописном своде. – *Примеч. ред.*

- 28) Вилькомирье, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 29) Вильна, столица Литовского княжества. (Новгородская Первая летопись, с. 358, 420, 476).
- 30) Войно, город упоминается в списке городов Рязанских, с. 476.
- 31) Войщина, город в Смоленской земле (Новгородская Первая летопись, с. 82, 310).
- 32) Воробейск, город на реке Струмене, упоминается в списке городов Волынских, с. 476.
- 33) Ворона, город упоминается в списке городов Киевских, с. 475.
- 34) Воргол (Варгул), город в Курском княжестве (Троицкая летопись, с. 340—42).
- 35) Восътиобачер (Въстиобачерь), город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 36) Врево, город в Псковской земле (Новгородская Первая летопись, с. 477).
- 37) Высокое, город близ Серпухова, упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 38) Вышегород на реке Протве, упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 39) Вятческ, город упоминается в списке городов Смоленских, с. 476.
- 40) Въбрын (Вобрын), город Тверского княжества (Московский летописный свод, с. 230).
- 41) Галич Мерьский, город у Галицкого озера (Новгородская Первая летопись, с. 392, 461, 477) в Суздальском княжестве.
- 42) Глинск, город на реке Суле, упоминается в списке городов Киевских, с. 475.
- 43) Голшаны, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 44) Горволь, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 45) Городец, город упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 46) Городец 2-й, на Мологе, упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 47) Городец Тверской (Городен) (Троицкая летопись, с. 210).
- 48) Городище, город упоминается в списке городов Киевских, с. 476.
- 49) Городок на реке Старице (Троицкая летопись, с. 456).
- 50) Городок на реке Черемоше, список городов, с. 475.
- 51) Горышон, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 52) Дедцин, город в Причерноморской степи (Московский летописный свод, с. 67).
- 53) Дедеяков (Дедеяков), город на реке Нае, в Орде, местоположение спорно, см.: Троицкая летопись, с. 334, 356; Московский летописный свод, с. 152, 164, возможно, не русский город.
- 54) Деревеск, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 55) Дичин, город на Дунае, список городов, с. 475.
- 56) Дмитровец, город в Смоленской земле, Троицкая летопись, с. 465.
- 57) Дрествин, город на Дунае, список городов, с. 475.
- 58) Дроков, город упоминается в списке городов Киевских, с. 476.
- 59) Дубечен, город упоминается в списке городов Рязанских, с. 476.
- 60) Дубичи, город упоминается в списке городов Волынских, с. 476.
- 61) Дубков, город упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 62) Дубок, город на верхнем Дону, упоминается в списке городов Рязанских, с. 476.
- 63) Елец (Елечь) город. в Рязанской земле, Московский летописный свод, с. 222.
- 64) Жукотин, город в земле волжских болгар (Троицкая летопись, с. 377, 438, 453).
- 65) Житомиль (= Житомир), город в списке городов, с. 476.
- 66) Жолваж, город упоминается в списке городов Киевских, с. 476.
- 67) Жидичин (Зудечев), город в Волынской земле на реке Стыри, список городов, с. 476.
- 68) Ивань, город упоминается в списке городов Волынских, с. 476.
- 69) Ижеславль на реке Проне (?), упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 70) Иловец (Иловечь), город упоминается в списке городов Русских, с. 475.
- 71) Карна, город «на море» (Черном), упоминается в списке городов Русских, с. 475.

- 72) Кернов, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 73) Килия (Кылея), город упоминается в списке городов Русских, с. 475.
- 74) Клинь, город в Тверском княжестве (Новгородская Первая летопись, с. 400).
- 75) Кличень, город упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 76) Кляпец, город упоминается в списке городов Киевских, с. 475.
- 77) Ковно, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 78) Ковыла, город упоминается в списке городов Киевских, с. 475.
- 79) Козельск, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476, вероятно, не смоленский, а другой город.
- 80) Колмогоры, город на Северной Двине (Новгородская Первая летопись, с. 396, 407, 477).
- 81) Коложе, город к востоку от города Опочки (Новгородская Первая летопись, с. 398, 477).
- 82) Колывань (Клевань?), город в районе Ровно (?), упоминается в списке городов Волынских, с. 476.
- 83) Копыль, город в Турово-Пинской земле, упоминается в списке городов Киевских, с. 476.
- 84) Корочунов; список городов, с. 475.
- 85) Коршов, город на реке Сосне, упоминается в списке городов Киевских, с. 475.
- 86) Костянтинь, город в Суздальской земле на Волге (Новгородская Первая летопись, с. 55, 255).
- 87) Коснятин, город в Тверском княжестве (Троицкая летопись, с. 452).
- 88) Котельно, город в Псковской земле, упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 89) Кошкин, город в Новгородской земле, упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 90) Крев, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 91) Крилатеск, город упоминается в списке городов Рязанских, с. 476.
- 92) Кричев, город в Смоленской земле, упоминается в списке городов Литовских (Новгородская Первая летопись, с. 420, 476).
- 93) Кременьчук, город в области Казани (Троицкая летопись, с. 453).
- 94) Кулатеск, город упоминается в списке городов Рязанских, с. 476.
- 95) Кур, на Ловати, упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 96) Курмыш, город на реке Суре, упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 97) Кучелмин, город на Днестре, ниже устья реки Серета, в Галицком княжестве (Московский летописный свод, с. 64).
- 98) Кременец (Кременьск) на реке Луже, выше Малоярославца (Московский летописный свод, с. 327–328).
- 99) Котельшца, город в Киевской земле, в верховьях реки Ирпень (Московский летописный свод, с. 40, 44, 67, 70, 76).
- 100) Колтеск, город в земле Вятичей, у реки Осетра, притока Оки (Московский летописный свод, с. 39).
- 101) Лебедев, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 102) Лида, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 103) Ломихвост, город упоминается в списке городов Рязанских, с. 476.
- 104) Лощеск, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 105) Лошин, город упоминается в списке городов Киевских, с. 476.
- 106) Лужа, город упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 107) Луки, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 108) Лутава, город в Черниговском княжестве (Московский летописный свод, с. 64).

- 109) Любутск, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 110) Любутск, город на реке Оке (Московский летописный свод, с. 189, 227, 231, 328).
- 111) Любынск, город в устье реки Протвы (Московский летописный свод, с. 39).
- 112) Людерева, город на реке Полной (Новгородская Первая летопись, с. 95, 337, 456).
- 113) Машин, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 114) Мглин, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 115) Медники, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 116) Мезеск (Мезеческ), город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 117) Мелеча, город (?) упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 118) Мереск, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 119) Мещерское, город упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 120) Мещеск, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 121) Мереч, город на реке Западный Буг, упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 122) Микитин на Плавне, город упоминается в списке городов Рязанских, с. 476.
- 123) Микулин, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 124) Микулин на реке Шоше (Московский летописный свод, с. 185, 230, 311).
- 125) Микулин, город в Галицком княжестве (Московский летописный свод, с. 36, 37, 75).
- 126) Милославичи, город упоминается в списке городов Киевских, с. 475.
- 127) Могилев, город, с. 476.
- 128) Милолюб, город в княжестве Литовском (Московский летописный свод, с. 233).
- 129) Мозырь, город на Припяти, в Киевском княжестве, с. 476.
- 130) Моишгола, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 131) Молвотицы, городок Новгородской архиепископии, в списке городов Залесских, с. 396, 477.
- 132) Моравин (Моравин), город в Новгородской земле (Новгородская Первая летопись, с. 73, 283).
- 133) Морева, город упоминается в списке городов Литовских, с. 477.
- 134) Морева, город в Новгородской земле (Новгородская Первая летопись, с. 68, 275, 477).
- 135) Мстиславец, город упоминается в списке городов Смоленских, с. 476.
- 136) Муравин, город упоминается в списке городов Смоленских, с. 476.
- 137) Навоз, город упоминается в списке городов Киевских, с. 476.
- 138) Наругадь, город в Мордовской земле (Троицкая летопись, с. 378, 381).
- 139) Немечь, город в Карпатах, упоминается в списке городов Русских, с. 475.
- 140) Немиза, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 141) Неятин, город около Киева, Троицкая летопись, с. 148.
- 142) Новгородок, город упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 143) Новгородом, город на реке Осетре, упоминается в списке городов Рязанских, с. 476.
- 144) Новое село (Новосель), город в устье Дуная, с. 475.
- 145) Новосиль, город в Черниговской земле, на реке Зуше, с. 477.
- 146) Новый городок, город упоминается в списке городов Русских, с. 475.
- 147) Новый городок, город упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 148) Новый городок (Новгородок) на реке Овле, город «Немецкий» (Новгородская Первая летопись, с. 374).
- 149) Новый городок на реке Пивже в Псковской земле (Новгородская Первая летопись, с. 354, 371, 399).
- 150) Нузла, Нухла (Онуза), город в Рязанской земле, упоминается в списке городов Литовских (Новгородская Первая лет., с. 74, 286, 476).

- 151) Оболенск, город на правом берегу реки Протвы, с. 476.
- 152) Оболчи, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 153) Одоев (Одуюв) на реке Упе, Московский летописный свод, с. 236, 245, 328.
- 154) Олоньск, город в Новгородской земле близ Ладожского озера (Новгородская Первая летопись, с. 65).
- 155) Омелники, город упоминается в списке городов Киевских, с. 475.
- 156) Ольгов, город на реке Оке (Московский летописный свод, с. 106).
- 157) Орехов, Ореховец, Вореховец, Орешек, город у выхода Невы из Ладожского озера (Новгородская Первая летопись, с. 611).
- 158) Орлец, Орлиц, город на Северной Двине у Холмогор (Новгородская Первая летопись, с. 355, 391, 392, 461, 477).
- 159) Опоки, город в Тверском княжестве (Московский летописный свод, с. 230, 440).
- 160) Осечень, город Литовский (Новгородская Первая летопись, с. 347, 476).
- 161) Ошелье, город волжских болгар (Троицкая летопись, с. 306).
- 162) Острее, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 163) Перевитеск, город упоминается в списке городов Рязанских, с. 476.
- 164) Перелай (= Пшелай), город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 165) Перемир, город (Троицкая летопись, с. 437).
- 166) Переров, город упоминается в списке городов Киевских, с. 476.
- 167) Песьи Кости, город упоминается в списке городов Киевских, с. 475.
- 168) Плесо, город на Волге (Новгородская Первая летопись, с. 477).
- 169) Попова гора, упоминается в списке городов Киевских, с. 476.
- 170) Порхов, город на реке Шелони (Новгородская Первая летопись, с. 613).
- 171) Пропошеск, город упоминается в списке городов Киевских, с. 476.
- 172) Пуня, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 173) Пустая Ржова, город в Новгородской земле (Новгородская Первая летопись, с. 418, 476).
- 174) Радонеж, город в Московском княжестве (Троицкая летопись, с. 397).
- 175) Речица, город в Черниговской земле (Новгородская Первая летопись, с. 53, 252, 476).
- 176) Ржавеск, город упоминается в списке городов Смоленских, с. 476.
- 177) Ржищев, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 178) Родно (Родня), город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 179) Романов, город выше Ярославля, с. 477.
- 180) Ростиславль, город на реке Оке, с. 476.
- 181) Рыбческ, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 182) Рясна, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 183) Сал, город упоминается в списке городов Киевских, с. 475.
- 184) Самара, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 185) Самбор, город упоминается в списке городов Волынских, с. 476.
- 186) Свинеск, город упоминается в списке городов Волынских, с. 476.
- 187) Свинеск, город упоминается в списке городов Рязанских, с. 476.
- 188) Свислочь, город при впадении реки Свислочи в Березину, с. 476.
- 189) Селук, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 190) Семыч (не Семьнь!), город вблизи Полонного в Киевском княжестве (Московский летописный свод, с. 80, 444).
- 191) Серенеск, город упоминается в списке городов Волынских, с. 476.
- 192) Серет, город упоминается в списке городов Русских, с. 475.
- 193) Сижка, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.

- 194) Синец, город упоминается в списке городов Киевских, с. 475.
- 195) Скала, город упоминается в списке городов Русских, с. 475.
- 196) Скнятин, город на Волге, при устье реки Нерли, с. 475.
- 197) Смедин, город упоминается в списке городов Киевских, с. 476.
- 198) Снепород, город на реке Суле, упоминается в списке городов Киевских, с. 475.
- 199) Соколец, город упоминается в списке городов Русских, с. 475.
- 200) Стародуб Вочьский, город упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 201) Стародуб на Клязьме, город, с. 477.
- 202) Стерж, город в Новгородской земле, при озере Стерж, с. 475.
- 203) Степань, город на реке Горыни в Волынской земле, с. 476.
- 204) Стрежев, город в Полоцком княжестве при озере Стрежеве (Московский летописный свод, с. 30).
- 205) Тесов, Тесва, город в Новгородской земле (Новгородская Первая летопись, с. 72, 78, 282, 295, 450).
- 206) Тетерин, город упоминается в списке городов Киевских, с. 476.
- 207) Тешилов, город в Рязанской земле, с. 476.
- 208) Тиверский, город упоминается в списке городов Залесских (Новгородская Первая летопись, с. 402, 477).
- 209) Троки Новые, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 210) Троки Старые, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 211) Туд, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 212) Тур, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.
- 213) Унжа, город на реке Унже, с. 477.
- 214) Устюжна, город на реке Мологе (Новгородская Первая летопись, с. 351, 386).
- 215) Утешков, город упоминается в списке городов Киевских, с. 475.
- 216) Хоружьк (Хорюжк), город (Новгородская Первая летопись, с. 39, 229).
- 217) Хотен (Хотин), город на Днестре, с. 475.
- 218) Хотен, город упоминается в списке городов Киевских, с. 476.
- 219) Хотмышь, город на Ворскле, упоминается в списке городов Киевских, с. 476.
- 220) Чемесов (Чемосов), город на Суле, упоминается в списке городов Киевских, с. 475.
- 221) Черкасы, город в Киевск. земле, с. 475.
- 222) Черн, над устьем Днестра, город упоминается в списке городов Русских, с. 475.
- 223) Черница, город упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 224) Черн-город, город упоминается в списке городов Киевских, с. 475.
- 225) Четвертая, город упоминается в списке городов Волынских, с. 476.
- 226) Чечюнь, город упоминается в списке городов Русских, с. 475.
- 227) Шилов, город упоминается в списке городов Рязанских, с. 476.
- 228) Шипино, город упоминается в списке городов Рязанских, с. 476.
- 229) Шумьский, город упоминается в списке городов Залесских, с. 477.
- 230) Юрьевец, город в Суздальской земле на Волге, с. 477.
- 231) Ясенец, город упоминается в списке городов Литовских, с. 476.

Перейдем теперь к некоторым выводам:

1. Составленный нами дополнительный список далеко не полон, – мы воспользовались алфавитным указателем всего к четырем летописям. Все летописи дадут цифру, несомненно, более значительную.

2. Несмотря на это, к 271 городу, насчитанному Тихомировым, мы прибавили 231 город – цифра, показывающая ясно, что работа Тихомирова в ее фактической части сделана поверхностно. Тихомиров не уделил достаточно внимания черной, фактической работе. То, что о

многих из упомянутых городов имеются только более поздние известия, совершенно не доказывает, что они не существовали в древности.

3. Таким образом цифры значительно преуменьшены, почти, наверное, вдвое, что искажает характерную черту Древней Руси – сотни городов, тогда как в Швеции того периода их было всего семь²⁰.

4. Пропущенными оказались многие «дальние» русские города, – это значительно сократило действительную площадь, которую занимала Древняя Русь. То обстоятельство, что список «дальних» городов оказался в сравнительно позднем источнике, отнюдь не уменьшает их древности. Наоборот, то, что эти города упомянуты в эпоху, когда «дальние» города уже были потеряны Русью, доказывает, что они были значительно древнее: народная память не забыла, что эти города русские, хотя в эпоху составления списка городов они уже не принадлежали Руси.

5. Тщательное исследование количества, местоположения и синонимии древних русских городов является чрезвычайно благодарной задачей для историка-любителя. Мы видим здесь, в сущности, почти непочатое поле для работы.

6. Не только местоположение, время основания и т. д., но и самое имя города заслуживает исследования. Как пример можем указать на город Герцике на Западной Двине. Имя не русское, но там сидели русские князья и население было, по-видимому, русским, ибо в исландских сагах «русский» означалось словом «герцкр»²¹. Значит, в переводе это будет означать приблизительно – «Русское».

Перейдем теперь к более общей оценке работы Тихомирова. Хотя этот автор издал свою книгу дважды: в первый раз в 1946 г., а второй раз – в 1956 г., т. е. имел в своем распоряжении 10 лет для дополнений, он не ответил совершенно на чрезвычайно важный вопрос: почему в Древней Руси было такое огромное количество городов? Эта ее особенность бросалась так сильно в глаза, что скандинавы называли Русь – «Гардарики», т. е. Страной городов, называли как раз современники. Тихомиров обошел этот вопрос полным молчанием.

Нам кажется, что это умолчание является результатом не совсем верного представления, которое развивает Тихомиров о том, что собой представляет русский город и какова была причина его образования.

Основной причиной образования каждого города было достаточное количество населения, могущего создать крепкие городские защитительные сооружения: стены, рвы, валы, башни, частоколы.

Основной единицей поселения было, несомненно, село, т. е. поселение недостаточно большое, чтобы своими руками создать город-крепость солидного характера. Как только село достаточно разрасталось, оно создавало город.

Что же являлось основной предпосылкой для разрастания села? Причины были разные, но все они сводились к одному, – каждая из них способствовала быстрому росту населения: если почва была очень плодородна, если место изобиловало дичью и рыбой, если недра заключали в себе ценные ископаемые, если местоположение на водных путях было особенно удачно для торговли, – всюду в таких местах население особенно быстро увеличивалось как путем естественного быстрого роста, так и путем притока из других мест. Этим самым создавался город: появлялось достаточно рабочих рук для создания города-крепости.

Село могло создать только «городище», т. е. обнести свое хозяйство частоколом, большое же село могло срубить уже городок, т. е. построить небольшую крепость, и тем начать историю в дальнейшем большого города. Таким образом, разные причины были в основе построения

²⁰ Некоторые из перечисленных городов – это небольшие крепости, или «городища», а не «полномасштабные» города, однако суть вопроса от этого не меняется, и выводы С. Лесного верны. – *Примеч. ред.*

²¹ Древнеисландское *gerzkr, girzkr*, «русский», производят от скандинавского названия Руси: *Garðar*, Гардарики – «Страна городов». – *Примеч. ред.*

городов, и каждый из авторов разных теорий частично был прав, но основной предпосылкой было достаточное количество населения.

Города имелись и строились, несомненно, еще в дофеодальные времена, но с этой эпохи начинается и новый тип городов – искусственные города-крепости.

Феодал, располагая достаточным количеством рабочих рук, именно воинов, рабов и будущих поселенцев, создавал в важном для защиты его владений месте крепость, главное значение которой заключалось в защите от врага. Городок-крепость населялся пленными, рабами, переведенными людьми из других городов и сел, и жизнь городка начиналась. Земледелие, садоводство, огородничество лежали в основе жизни городка, городов без окружавших их земель не существовало и не могло существовать, ибо этого не позволяла экономика той эпохи.

Судьба таких крепостей-городов различна: одни хирели и в конце концов совершенно исчезали, другие развивались в большие, настоящие города.

Таким образом, и естественные, и искусственные города опирались в своем развитии на количество народонаселения, а последнее зависело от естественных богатств. Именно этим объясняется то, что многие города по многу раз уничтожались начисто, но все же возрождались, как феникс из пепла.

Тихомиров представляет себе все это иначе: у него город всегда обрастает посадами, он даже считает, что конец IX – X вв. был периодом, когда города стали обрастать посадами. Никакого такого специального периода не было. Город становился городом именно потому, что уже не был селом, перерос его размеры, изменил свой внутренний строй, став, в сущности, тем, что называется посадом, т. е. большим поселением с дифференциацией производства.

В малом селе нет дифференциации, каждый житель – и земледелец, и огородник, и рыбовод, и охотник, и плотник, и гончар, и портной и т. д. В большом селе начинается специализация: появляется слой различных ремесленников – гончаров, кузнецов, портных, сапожников и т. д.

Тихомиров пишет: «Ремесленное население в городах должно было опираться на какие-то относительно прочные рынки сбыта», – этим рынком сбыта и было, прежде всего, само поселение крупного масштаба и окружающие его ближайшие села. Ремесленники не обрастали город в посадах, а ремесленники вырастали вместе с ростом самого поселения. Когда сил поселения становилось достаточно для постройки городских укреплений, село перерастало в город и впоследствии начинало обрастать тем, что принято называть посадами, предместьями.

Рассуждения Тихомирова приложимы только к искусственным городам-крепостям и то в очень ограниченной мере: не всякий городок-крепость обрастал посадами, это случалось только там, где можно было черпать население и, главное, достаточно было природных богатств для относительно быстрого его роста.

Ключевский прав и не прав со своей теорией городов как центров торговли при широких водных путях. Прав в том, что удобный водный путь ускорял рост города, или, вернее, процесс роста села для превращения в город, но город создавался там, где было достаточно населения и достаточно продуктов для прокормления его. Только в значительно более позднюю эпоху, когда создались города-гиганты вроде Новгорода, город оторвался от своей хлебной базы и стал зависеть от Понизовья в доставке хлеба.

Вообще история создания и развития городов далеко не так проста, как кажется; были разные типы городов, были разные этапы развития, но Тихомиров этого не выяснил.

Многие исследователи неверно понимали значение ремесла и торговли. Создание ремесленника, живущего исключительно своим ремеслом, или купца, живущего только торговлей, – долгий и сложный процесс. Дифференциация этих отраслей уходит на века глубже нашей писанной истории, но повторяется в ускоренных темпах и в послемонгольские времена.

Можно утверждать с полным основанием, что значительное количество древнерусских городов создано еще в дофеодальное время. В феодальную эпоху процесс роста городов и

создания новых только ускорился, – появилась организованная сила, заинтересованная в росте и создании городов.

Однако общим правилом для и дофеодальной, и феодальной эпох является то, что города развивались там, где были особенно благоприятные условия для быстрого роста населения; там появлялась дифференциация труда, ремесла, торговля. Не города создавали ремесла и торговлю, а хлебопашеско-ремесленно-торговая база создавала города; только в искусственных городах было иначе, но «иначе» могло быть только в том случае, если было откуда брать ремесленников и торговцев, и при наличии для них рынков сбыта. Владимир-на-Клязьме был искусственным городом, но процветал недолго, незаметная Москва быстро переросла его, переросла потому, что обладала гораздо более благоприятными условиями для роста населения.

На этом мы и закончим наши замечания по основному вопросу о сути древнерусских городов.

Остановимся теперь на некоторых деталях, которые нельзя обойти молчанием. На с. 54 Тихомиров называет Никоновскую летопись «недостоверным источником» и, по-видимому, сомневается в набеге печенегов на Киев в 876 г.

Подобно большинству русских историков, вернее, просто слепо веруя им, Тихомиров не понимает значения многих мест Никоновской летописи. Как мы показали в нашей работе, Никоновская летопись черпала эти сведения из какого-то протографа, сведения, просто пропущенные в «Повести временных лет». Однако это не значит, что пропущены они из-за их недостоверности, – большей частью это малозначащие подробности. Касательно же печенегов мы находим у византийских историков сведения, подтверждающие их присутствие в эту эпоху в Причерноморье.

Вообще чисто историческая основа работы Тихомирова – не на надлежащей высоте: он часто неосторожен в своих выводах. Например, на с. 367 он сомневается в постройке княгиней Ольгой церкви в Витебске, ссылаясь на неверность даты, 974 г. Ольга же, мол, давно умерла. Ольга умерла в 969 г, но неизвестно, по какому счислению дан 974 г, ведь в болгарском счислении разница будет на 8 лет, – значит, Ольга могла еще жить, и доказательство Тихомирова не имеет окончательной силы.

Упоминая о главных моментах истории города Любеча, Тихомиров почему-то пропускает, что дед Владимира Великого был «Малко любечанин», но приводит только, что святой Антоний был из Любеча.

На с. 338 Тихомиров пишет, что в науке существует сомнение о подлинности договора Руси с греками в 907 г. Трудно поверить, что это можно было сказать в 1956 г., – очевидно, Тихомиров не следит за историческими работами.

На с. 305 высказывается странная мысль, что «Турово-Пинская земля как отдельная единица со своей княжеской династией никогда не существовала и является ученой фикцией». Изучавшему летописи известно, что город Туров с его областью является предметом споров, войн, обменов, передачи по наследству и т. д., вряд ли в Древней Руси стали бы воевать из-за «ученой фикции».

На с. 301 мы можем прочесть, что «условность рассказа о крещении Владимира в Корсуне давно уже установлена А. А. Шахматовым». Очевидно, Тихомиров со времен опубликования работы Шахматова²² ничего по этому вопросу не читал и ему неизвестны новейшие работы автора этих строк и М. В. Левченко.

Подобных погрешностей в работе Тихомирова немало, в основе их всех лежит недостаточная осведомленность в действительном положении дела на поле истории. Тихомиров явно отстает от современности.

²² То есть с начала XX в. Алексей Александрович Шахматов, известный филолог, исследователь древнерусских летописей, жил в 1864–1920 гг. – *Примеч. ред.*

Однако на с. 169 он помещает «поправку», уже превосходящую все ожидания. Она гласит: «Автор переводит слова латинской записи *rex Georgius slavus*, как *царь Георгий раб*, тогда как нужно читать *король Георгий славянин*». Эта «поправка» показывает полное невежество Тихомирова. Перевод «Георгий раб» – перевод совершенно верный²³: употреблен обычный оборот древности: *slavus (Dei)* – т. е. «раб Божий», оборот, бывший настолько трафаретом, что слово «*Dei*» даже опускалось. Этот оборот употребляется во всех христианских странах. Если Тихомиров этого не знает, он должен был понять полную нелогичность употребления здесь национального имени: никто не напишет: «я, Карл, англичанин», или «я, Генрих, француз», или «я, Светослав²⁴, русский»; так никто и никогда не подписывался. Наконец, если бы Тихомиров знал как должно древнюю русскую историю, он не упустил бы того, что древние русские князья называли себя не «славянами», а «руссами». Если Тихомиров берется поправлять Айналова²⁵, надо знать, что он поправляет.

К другим ошибкам Тихомирова мы надеемся еще вернуться в дальнейших очерках попутно, при обсуждении разных вопросов о Древней Руси. Книга Тихомирова – полезная книга, но она еще «сырая» и нуждается в весьма существенной обработке и поправках.

²³ Имеется в виду, что это верно лингвистически, хотя в данном случае смысловой контекст требует иного истолкования. – *Примеч. ред.*

²⁴ С. Лесной считает эту форму имени Святослав более правильной. – *Примеч. ред.*

²⁵ Дмитрий Власьевич Айналов (1862–1939) – один из крупнейших российских и советских историков искусства, специалист по раннехристианской и византийской культуре. Поправка Тихомирова относится к работе: *Д. В. Айналов. Судьба Киевского художественного наследия* («Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. XII, с. 23–29). Речь идет об упоминании (или «не упоминании») Ярослава Мудрого в так называемой «Реймской глоссе» – латинском памятнике XII в., кратком, но исключительно важном и донныне вызывающем споры в его истолковании. Поэтому редакция приняла решение дать в качестве приложения к этой книге новый, предельно точный перевод «Реймской глоссы» с латинского оригинала, с необходимыми комментариями и пояснениями (см. Приложение). – *Примеч. ред.*

4. Сообщение Феофана о руссах VIII в.

Византийский историк Феофан, описывая события царствования Константина V Копронома, приводит интересное указание, которое одними историками признается за упоминание руссов еще в VIII в., а другими совершенно отрицается.

Ниже мы увидим, что ни те ни другие правильно текста не понимают и указание Феофана не может считаться окончательно выясненным.

Известный норманист профессор Томсен, приводя греческий текст, к разбору которого мы еще вернемся, передает его содержание следующим образом:

«Он (Феофан Исаакиос, † 817) сообщает, что греческий император Константин Копроном в 773 г. объявил войну болгарам, которые жили возле Дуная. Он прежде всего отправил большую армию на 2000 кораблей, а затем сам поплыл на борту некоторых других, которые называются «*ta rousia chelandia*»».

Спор заключается в том, что одни переводят слово «*rousia*» – «русский», другие (в том числе и Томсен) – «красный».

Томсен старается разными путями доказать, что в греческом тексте употреблено слово «красный», а не «русский» и что, мол, этот отрывок Феофана ничего общего с Русью и русскими не имеет. Почему Томсен так старается – ясно: если руссы были на Дунае или в Византии в 773 г., то от норманнской теории ничего не остается, ибо она признает появление норманнов только в 852 (вернее, 860) г.

Томсен настаивает, что слово «русиос» с грамматической точки зрения никак не может быть переведено словом «русский». Ни Томсен, ни пишущий эти строки не являются специалистами греческого языка. Посмотрим поэтому, как перевел это место профессор классических языков К. С. Masterman из университета в Канберре, намеренно не извещенный нами о споре и его сути. Он перевел это слово как «русский». Значит, вышеупомянутое утверждение Томсена неверно.

Обращает на себя внимание то, что Томсен не дает перевода отрывка из Феофана, а излагает его собственными словами, причем, когда дело доходит до спорного места, он его не переводит, а пишет – «*ta rousia chelandia*». А между тем именно требуется точный перевод, и в первую очередь переводит ли он «хеландиа» в единственном или во множественном числе²⁶.

Далее, из изложения им отрывка явствует, что греческое выражение: «*ta rousia chelandia*» переводится им самим без достаточной уверенности, ибо он говорит: «*And then himself sailed off on board some other galleys which are called "ta rousia chelandia"*», т. е. «а сам отплыл на борту некоторых других галер, которые называются *ta rousia chelandia*». В греческом тексте вовсе нет слов «которые называются». Употребляя их, Томсен не переводит этого места, а объясняет это место так, как ему нравится.

Главное доказательство своей мысли Томсен видит в том, что в те времена императоры ездили на красном корабле. Этому охотно можно поверить: флагманский корабль с особой императора, будучи окрашен в красную краску, был виден всем издали, и флот в мирное ли время или в бою следовал за движением императорского корабля, оберегая вместе с тем его.

Но совершенно невероятно, что в случае присутствия императора весь флот, его сопровождавший, перекрашивался в красный цвет. А если император оставлял флот, значит ли, что весь флот опять перекрашивался в другой цвет? Нелепость очевидна. Наконец, если флот весь был красного цвета, как узнавали императорский корабль? Ведь смысл окрашивания в выделении цветом императорского корабля.

²⁶ Греческий артикль τὰ однозначно указывает на множественное число. – *Примеч. ред.*

Значит, мы можем принять, что в красный цвет окрашивался только тот корабль, на котором император ехал.

Но тут мы наталкиваемся на нелепость другого рода: если «хеландия» означает единственное число, то не мог император отправляться в военную морскую экспедицию на одном корабле; нелепость этого Томсен понимает и пишет «на борту некоторых галер», но тут другая нелепость: не мог император ехать на борту нескольких кораблей, ведь он был один и способностью к автотомии²⁷ не обладал наверное.

Наконец, где-же логика? Неужели историк, описывая события, должен ни с того ни с сего упоминать цвет корабля²⁸ императора? Ведь никто не скажет, что император Наполеон, объявив войну России, отправился на белом коне в Москву. Указание на цвет совершенно неуместно, как и указание на цвет корабля Константина V. Красный цвет в дискуссии всплыл потому, что кому-то не понравилось указание на присутствие руссов на Черном море еще в 773 г.

Томсен далее указывает, что не мог Константин V направляться против кораблей (chelandia) руссов, ибо у руссов кораблей не было, и ссылается на указание Лиудпранда, что, мол, корабли (naves) руссов, благодаря незначительности, проходили там, где большие греческие chelandia пройти не могли.

И этот довод ничего не доказывает: Лиудпранд называет средства передвижения руссов все же «кораблями» (naves), а не лодками.

Что у руссов не было тяжелых боевых кораблей, как у греков, вещь бесспорная, но что их лодки²⁹ были значительными, видно хотя бы из договора Олега с греками, из которого следует, что в «лодке» помещалось 40 гребцов. Так как в лодках помещались также запасы пищи, питья, одежды, оружие, снасти и имелось место для добычи, то «лодки» руссов были весьма значительны. Не без значения также то, что очень крупная рыбацья лодка в Черном море называется «шаланда», т. е. вариант греческого «хеландия». Если бы слово «хеландия» употреблялось только в отношении тяжелых кораблей, такое перенесение названия не могло иметь места.

Единственный сильный довод Томсена – это указание на Анастасия. Последний перевел во второй половине IX в. «Хронографию» Феофана на латинский язык («Historia Ecclesiastica ex Theophane»). Интересующий нас отрывок гласит: «Et ingressus ipse in rubea chelandia motus est ad intrandum Danubium amnem» («Theophanis Chronographia», vol. II, Bonnae, 1841. P. 243), т. е. «а сам взошел на красный корабль и двинулся к входу в Дунайское устье»³⁰.

Таким образом, Анастасий перевел слово «rousia» как «красный». Однако важно знать не только значение слова, но и понимать, что оно значит в контексте. Этого-то и нет: отправив морем армию для высадки в месте, где Болгария не была защищена горными проходами, Константин отправился с частью флота к устью Дуная. Допустим, что он ехал на «красном» корабле, но зачем ему было ехать к устью Дуная? В понимании Томсена это совершенно непонятно.

Зато другой перевод обладает всеми чертами строгой логичности. У Asseman'a (Kalendaria Ecclesiae Universae etc. tome VI, p. 6. 1755. Romae) мы находим следующий отрывок: «Primum Russorum mentio (quod sciam) apud Bizantinos scriptores ad annum Constantini Copronymi XXXIII, Christi, 774, Theophanes: «Hoc anno, mense Majo, ind. XII. Constantinus

²⁷ Греч. «саморасчленение». – *Примеч. ред.*

²⁸ Пурпурный цвет, знак императорского достоинства, как раз упоминался в связи с официальными событиями – и в Риме, и в Византии. – *Примеч. ред.*

²⁹ Точнее, «лоды» – надежные, легкие и маневренные. – *Примеч. ред.*

³⁰ У Анастасия: «на красные корабли» (in rubea chelandia, винительный падеж множественного числа среднего рода). Анастасий явно имел в виду корабль императора и сопровождающий кортеж, окрашенный в пурпурный императорский цвет (разумеется, не весь флот). Томсен же полностью следует Анастасию, не учитывая, как мы увидим далее, другой вариант перевода. В данной интерпретации текста, византийский правитель, отправляясь в поход против славян, естественно, вряд ли мог «взойти на русские корабли». – *Примеч. ред.*

classem chelandiarum bis millium in Bulgaria instruxit; ipse adversus Russorum chelandia, in Danubium adytum sibi paraturus movit»³¹.

Таким образом, самым ранним известием о руссах, которое знает Asseman (primum... quod sciam)³², является 774 г., под которым Феофан рассказывает о походе Константина Копронима. Именно в мае 774 г. 12-го индикта он направил против болгар 2000 судов, сам же направился против русских судов к Дунаю.

При таком переводе все понятно: Константин отправил армию против болгар, а сам же двинулся с судами в устье Дуная против русских судов, которые, очевидно, были в союзе с Болгарией в борьбе с Византией. Загородив устье Дуная, Константин отрезал болгар от помощи руссов.

К сожалению, этот перевод не соответствует греческому оригиналу, – слова «против» (русских судов) там нет. Ввиду трудностей печатания мы лишены возможности дать отрывок греческого оригинала и вынуждены отослать интересующегося читателя к с. 691, Theophanis Chronographia, ex recensione Jo. Classeni. Vol. I. Bonnae, 1839.

Следует отметить, что Ассеман так понимал греческий текст 200 лет назад, когда спора о Руси не было и он переводил «не мудрствуя лукаво». Возможно, что разные понимания текста Феофана основываются на разных списках, но это в достаточной степени не выяснено.

Таким образом, до окончательного выяснения текстологии источника нельзя основываться ни на одной из версий. Однако узнать из других мест, что значило в устах Феофана слово «gousia» не представляет труда. Не составляет особенного труда найти, какое слово употреблял Феофан для понятия «красный», уже выяснение этого было бы значительным шагом вперед. Остается надеяться, что кто-нибудь этим серьезно займется и в самом недалеком будущем³³.

³¹ Лат.: «Первое упоминание о руссах (которое мне известно) византийскими авторами – на 33-й год царствования Константина Копронима, 774-й от Рождества Христова, у Феофана Исповедника: “В тот год, в мае, 12-го индикта, Константин направил в Болгарию флот из двух тысяч судов; сам же приготовился выступить к устью Дуная против русских челнов”». – *Примеч. ред.*

³² Лат. «первое... которое мне известно». – *Примеч. ред.*

³³ К этой главе приходится писать уже не краткое примечание, а пространное послесловие. Дело в том, что многие вопросы, поставленные в конце главы (увы, одной из самых недоработанных в этой книге), решает обращение к той самой странице греческого оригинала, которую так аккуратно указал Сергей Лесной (а также к другим страницам и другим изданиям «Хронографии» Феофана Исповедника). К сожалению, С. Лесной сам не мог ответить на эти вопросы, поскольку не владел древнегреческим языком (в чем не раз честно признается в этой книге, да и оригинал этого места в «Хронографии» может быть истолкован по-разному). Вероятно, ограничен был и круг печатных источников, «физически» доступных русскому эмигранту середины XX в., писавшему в Австралии и публиковавшемуся во Франции. В силу названных причин он не только не доказал свою точку зрения, оставив это в удел будущим исследователям, но и допустил в этой главе неточности библиографического характера, попытался критиковать чужие переводы с древнегреческого, не имея достаточного представления о переводе этих текстов (грамматический строй другой, и перевод слово-в-слово невозможен, приходится вводить придаточные предложения, которых «как бы нет» в оригинале, и т. д.). Кое-что С. Лесной просто перепутал (явно не имея под рукой необходимых справочных изданий). Но результат этого нагромождения неточностей, как вы увидите, оказался неожиданным. Автор, фактически признавший свою беспомощность и предоставивший решать вопросы самим читателям, как ни парадоксально, с очень большой долей вероятности оказался прав в своих главных выводах: об упоминании Феофаном русских челнов на Черном море уже в VIII в.! Более того, это упоминание относится даже к еще более раннему времени, чем указывает С. Лесной. Разница лишь в десяток лет, но в данном случае и это важно. Все эти вопросы требуют более подробного объяснения, чем позволяет объем примечания, поэтому их рассмотрение вынесено в приложение (№ 2). – *Примеч. ред.*

5. Краткий конспект истории Древней Руси

Работа наша, как это, очевидно, ясно для читателя, не представляет собой итогов многолетней работы, где все приведено в порядок и систематизировано. Нам приходится печатать, так сказать, на ходу, не дожидаясь подчас необходимой шлифовки, ибо лучше дать хоть нечто, чем ничего не дать. Обстоятельства не позволяют опубликовать труд в такой форме, как это хотелось бы («против рожна не попреши»).

Публикуемые нами очерки-главы не следуют порядку, а степени готовности к публикации.

Опубликовано, однако, уже порядочно, поэтому мы считаем необходимым подвести некоторые итоги уже в систематизированном виде, – отсюда предлагаемый конспект. Разумеется, в этом конспекте подчеркивается главным образом все новое, что исправляет, дополняет и разъясняет наши обычные представления.

1. Начало истории Древней Руси уходит в глубокую древность. Уже с первых веков нашей эры мы находим на землях, занятых восточными славянами, последовательный и связный ряд материальных культур, переходящих почти без перерывов в культуру Руси, уже записанную историей.

Если и имеются некоторые лакуны в археологических данных, то они быстро исчезают, и общая тенденция в накоплении материала именно в этом направлении совершенно ясна.

Можно спорить о последовательности, времени, взаимоотношениях этих культур, но что в первые века нашей эры, по крайней мере, на Среднем Днепре и верховьях Днестра и Буга сидели славяне, спорить не приходится.

2. Начало писаной истории Руси должно относить к концу VIII в. С этого момента история дает связный ряд событий без больших пропусков, называя имена, места, рассказывая о событиях и (косвенно) давая даты. Самое раннее точное известие о «русинах» относится к 477 г. (нападение их на город Юваву, ныне Зальцбург).

3. Указать хотя бы приблизительно дату начала Руси не представляется возможным потому, что было две «Руси»: южная, Киевская, в области Днепра и Днестра, и северная, Новгородская, в области Ладоги и Ильменя. Их первоначальные истории были различными, изолированными, и следы их писаных историй имеются в различной степени сохранности. Правильнее поэтому будет рассматривать обе истории отдельно до момента, когда они слились при Олеге в один общий поток.

4. Писаную историю и Новгородской, и Киевской доолеговой Руси можно проследить вглубь до конца VIII в., однако и в предшествующие века имеются, так сказать, изолированные островки их истории, связать которые с непрерывной историей пока еще не представляется возможным. Однако не утеряна надежда, что найдутся промежуточные звенья и начало этих историй будет сдвинуто еще далее вглубь.

В сущности, этого еще никто не делал³⁴, ибо только с опубликованием этой работы могут быть начаты вполне обоснованные и осмысленные поиски. Не искали уже потому, что были убеждены в том, что нечего искать.

5. Совершенно новую страницу доаскольдовой Руси открывает недавно найденная «Влесова книга» («дощечки Изенбека»), летопись, написанная на дощечках, почти наверное, языческими жрецами. Текст, однако, до сих пор еще полностью не опубликован, не прочтен и сам источник, не исследован в отношении его достоверности. «Влесова книга» говорит о событиях,

³⁴ Это не совсем так. Достаточно упомянуть некоторые поздние летописи, выстраивающие (пусть в мифологизированной и полуполюгендарной форме) предысторию Руси за несколько тысячелетий (!), или работы М. В. Ломоносова. Заслуга С. Лесного в том, что он предпринимает такую попытку с учетом максимального количества современных исследований. – *Примеч. ред.*

по крайней мере, лет за 300–400 до Аскольда, есть даже даты, но как их перевести на наше времясчисление – не выяснено. Ввиду всего этого мы этот период пока не разбираем.

6. Уже первые проблески писаной истории застают обе Руси в виде вполне сформировавшихся государств, с их собственными династиями (в новгородском отмечено восемь поколений до Буриной), они заключали наступательные и оборонительные союзы, различные договоры, воевали, мирились и т. д.

Перед нами в обоих случаях далеко ушедшие в формировании классового общества государства, с довольно высоким состоянием материальной культуры, с собственными, достаточно развитыми ремеслами, с международной торговлей и т. д. Восьмой век, по-видимому, мало отличается в этом отношении от девятого, когда мы застаем обе Руси в уже достаточно феодализованном виде.

Представления Шлёцера и других, что восточные славяне VIII и IX вв. были дикарями, в своем образе жизни подобными зверям и птицам, с точки зрения современной науки могут быть названы просто дикими, исключительно невежественными.

7. История захватывает Новгородскую Русь в конце VIII в. отстаивающей в лице князя Буриной свою самостоятельность от варягов, по-видимому, скандинавов. После длительной борьбы варяги все же захватили Новгород, и Буриной бежал в отдаленную часть своих владений вне досягаемости варягов. Вот этот-то момент платежа дани варягам новгородцами и отмечен, надо полагать, первым русским летописцем.

Новгородцы, однако, недолго терпели гнет скандинавов, выпросив у Буриной его сына Гостомысла, они подняли восстание и прогнали варягов (это летописью и отмечено). Началось долгое и славное княжение Гостомысла.

8. Нестор совершенно умолчал об этом княжении (упомянув только самый факт, глухо), и можно понять почему: он писал историю южной, Киевской Руси и история северной его не интересовала, к тому же это уводило его вглубь от его непосредственных задач. Что это было так, видно из того неопровержимого факта, что первым князем на Руси он считал Олега, Рюрика он русским князем не считает, ибо Новгород тогда русским государством не считался, а считался «словенским». Возможно, что Нестор и вовсе не упомянул бы Рюрика, если бы не сын его Игорь, о котором нельзя было не сказать, кто был его отцом. К концу жизни Гостомысл потерял всех четверых сыновей, и перед ним встал тяжелый вопрос о престолонаследии. Выбор его пал на Рюрика, внука от средней дочери его Умилы, бывшей замужем за одним из заморских князей. Желание его (в завуалированной форме – в виде сна-предвещения) стало известно всем и было встречено благожелательно.

По смерти Гостомысла начались, однако, неурядицы, кончившиеся соглашением северных племен о выборе общего князя. Колебались между следующими предложениями: 1) избрать князя из своей среды; 2) пригласить от дунайских славян; 3) из Киева, от полян; 4) пригласить из хазар; 5) избрать князя из заморских варягов. Одержало верх последнее предложение: выполнялось желание Гостомысла, и восстанавливалась старая славянская династия, но по женской линии.

10. При современном состоянии наших знаний теперь уже нельзя сомневаться в следующем: 1) призвание варягов – безусловно исторический факт, подтверждаемый тремя независимыми источниками – русскими типа Нестора, Иоакимовской летописью, мекленбургским преданием (см. ниже)³⁵; 2) «варягами» летописец называл не только скандинавов, но и вообще жителей западной части Балтийского побережья, в число их входили и западные славяне (что посылали за князем не к шведам, не к норвежцам и не к готландцам, явствует из летописи совершенно ясно); в данном случае речь могла идти только о западных славянах; 3) имена

³⁵ О записанном французским ученым Ксавьером Мармье мекленбургском предании (о происхождении Рюрика из балтийских славян) говорилось и в более ранних выпусках этой книги С. Лесного. – *Примеч. ред.*

Рюрик, Синеус, как мы показали, славянские имена, а что мать Рюрика была славянка, дочь Гостомысла, ясно показано Иоакимовской летописью; 4) в 1840 г. француз Martièr записал при исследовании Мекленбурга местное предание, что у князя славянского племени ободричей Годлава три сына, Рюрик, Синеус и Трувор, отправились на Русь, прогнали других варягов и стали там княжить. Это свидетельство француза, не имеющего никакого отношения к спору о призвании варягов, показывает, что и по отцу Рюрик был славянин. Оказывается, «призвание варягов» отмечено с двух сторон: в русской летописи, т. е. в стране, куда пришел Рюрик, и народным преданием в Мекленбурге, т. е. в стране, откуда пришел Рюрик. Норманнская теория не имеет под собой решительно никаких оснований, – напомним, что ни один источник, письменный или сохранный народной памятью среди народов германского корня на Западе, о призвании варягов ничего не знает, и это понятно: призвание касалось славянских, а не германских племен. Отстаивать норманнскую теорию может теперь только полный обскурант.

11. За 17 лет своего княжения (сначала в Ладоге четыре года, потом в Новгороде) Рюрику удалось консолидировать племена Северной Руси, но в Новгороде пришлось применить и силу: Вадим Храбрый, вожак, и другие были убиты, другие же новгородцы бежали в Киев, подальше от режима Рюрика, показавшегося им рабством (совершенно естественно, что Рюрик принес с собой и методы управления, усвоенные им при менее демократическом государственном строе³⁶).

Рюрику удалось также помочь Киевской Руси в освобождении от ига хазар, – он послал им на помощь Аскольда, но слияния Новгородского и Киевского государств не произошло.

12. Смерть захватила Рюрика в момент, когда его сын Игорь был еще мальчиком, носимым на руках. Регентом Северной Руси стал Олег, норвежец, дядя Игоря по матери, которая была норвежской княжной. Так как Олег был воеводой у Рюрика и вместе с тем осуществлял фактически княжение в государстве, разные летописи называют его то воеводой, то князем.

Получив известие, что киевляне недовольны Аскольдом (из-за его христианских симпатий, надо полагать), Олег отправился в поход на юг, захватив с собой малолетнего Игоря как материальное доказательство своих прав на княжение. Аскольд был предан киевлянами, убит, а Олег без боя занял Киев.

Затем Олегом был совершен шаг огромного значения, – он перенес столицу объединенного восточнославянского государства в Киев. С этого момента Северная Русь начала постепенно принимать на себя имя «Русь» («от варяг бо прозвашася Русь»), этот момент и по сути, и формально и есть начало той Руси, которую мы знаем по нашей летописи. Основателем этого объединенного государства оказался совершенно случайно норвежец Олег из-за малолетства Игоря. Вот единственное зерно истины во всей норманнской теории, но не надо забывать, что пребывание на троне инокровного князя не означает, что страна, откуда происходит этот князь, определяет ход развития, культуру, организацию и т. д. данного государства, – русская культура, русское государство создано своими, восточнославянскими или, по более простой терминологии, русскими руками.

13. Самое слово «Русь», «русин» пришло с юга и затем распространилось до Белого моря³⁷. Есть все основания думать, что оно появилось на Среднем Днепре уже в исторические времена откуда-то с юга. Во всяком случае, в 477 г. известный Одоакр, властитель Рима, был в то же время и «rex ruthenorum». Память об этом сохранялась в народе еще во времена Богдана

³⁶ Жесткость правления у балтийских славян в эту эпоху во многом была связана с постоянной военной конфронтацией с германцами и скандинавами. – *Примеч. ред.*

³⁷ С. Лесной, с его «южными» приоритетами, обходит молчанием другие этимологические гипотезы имени руссов, связанные с Северной Русью, с Великим Новгородом (см., например, работы Аполлона Григорьевича Кузьмина), хотя не исключено, что в эпоху Киевской Руси произошло фонетическое сближение и слияние схожих по звучанию этнонимических «линий» различного происхождения (от Причерноморья и Карпат до Балтики и Русского Севера). – *Примеч. ред.*

Хмельницкого, ибо он, обращаясь к народу с призывом подняться против Польши, считает Одоакра прямым предком казаков.

Принимая во внимание существование среди средневропейских и южных славян предания о Чехе, Лехе и Русе, мы можем предположить с известной вероятностью, что Русь, как имя государства, заимствовано от имени предводителя наподобие Итала (Италия), Эллада (Древняя Греция, отсюда «эллины»), Пелопса (Пелопоннес) и т. д., чему мы имеем сотни примеров в истории вплоть хотя бы до Америго Веспуччи, давшего имя Америке. Самое же имя Рус, вероятно, является просто кличкой – он был рус, т. е. обладал русыми волосами³⁸.

14. Объединив силы Новгородской и Киевской Руси, Олег быстро подчинил себе почти все остальные племена восточных славян и близких угро-финских и, собрав огромное войско, совершил в 907 г. удачный поход на Византию. Договором 907 г. были восстановлены мирные отношения и определены условия дальнейшего существования. Однако в 911 г. был заключен весьма обстоятельный договор, на этот раз уже исключительно касавшийся мирных отношений и регулирующий их по всем сторонам их взаимоотношений.

Все это время Игорь оставался в Киеве. В 911 г. Олег устроил брак Игоря с псковичкой Ольгой из рода Гостомысла, его родственницей. Славянское имя ее было Прекраса.

Олег умер, по-видимому, во время поездки своей на старости лет на родину.

15. История Киевской доолеговой Руси протекала совершенно иначе и изолированно от скандинавов. Прежде всего, она была гораздо более бурной, нежели история Северной Руси. На севере политическая ситуация была гораздо проще: соседи Руси находились на весьма низком уровне культуры (охотничье хозяйство главным образом) и серьезной опасности для новгородских «словен» не представляли.

Единственным фактором, могущим играть некоторую роль, были скандинавы, но роль их была временной, незначительной и поверхностной.

Совсем другое положение было на юге. Русь в течение веков была здесь под экономическим и культурным влиянием Византии и отчасти Рима. Кроме того, почти каждое столетие новая волна пришельцев с востока резко изменяла положение в Причерноморье и косвенно влияла на Русь.

Если государственность и зародилась на юге ранее, чем на севере, линия ее развития была гораздо более прерывистой. Русь (так скажем) создавалась здесь и распадалась множество раз, ибо волны пришельцев бывали подчас огромной силы. Отсюда и отсутствие сплошной линии развития государства на юге.

Мы не можем сейчас уточнить когда, но Киевская Русь, по-видимому, стала называться Русью здесь не искони, а по какому-то племени русинов³⁹, подошедшему с юга и захватившему полян с Киевом. Мы имеем свидетельства, что уже в первой половине VII в. Южная Русь распространяла свое влияние даже на далекий Каспий. Властитель Дербента Шахриар уже в 644 г. определенно говорил, что русы и хазары – два главных его врага и что русы «враги всему миру» (подразумевается арабскому).

Если сообщение Феофана⁴⁰ истолковано верно, а это, по-видимому, так, то мы застаем в 774 г. Русь уже в известных отношениях с Византией.

Наконец, в первой половине IX в. (839 г.) мы застаем Русь, заключающей договор с Византией о дружбе, причем послы ее принимаются с большой предупредительностью (этот факт в русские летописи не попал, но упомянут западноевропейскими хрониками).

Когда Южная Русь попала под политическое господство хазар – не уточнено. По всей видимости, оно было не очень долгим и в значительной степени номинальным (все сводилось

³⁸ Это лишь одна из возможных этимологий. – *Примеч. ред.*

³⁹ Исторически и этнографически славяне-русины тесно связаны с Карпатским регионом. – *Примеч. ред.*

⁴⁰ В упомянутой выше «Хронографии» Феофана Исповедника. – *Примеч. ред.*

главным образом к платежу дани). По крайней мере, есть данные, указывающие, что Южная Русь обладала достаточной автономией: воевала и заключала мирные договоры, вовсе не вовлекая в них Хазарию. Вернее всего, Русь просто откупалась от своего соседа, т. е. делала то, что делали Византия и Рим.

В 860 г. Русь предприняла карательную экспедицию на Царьград за нарушение греками договора, убийство нескольких руссов и т. д. Отместка была ужасна. Руссы возвратились домой, досыта насытившись мстостью и с огромным количеством награбленного. В русские летописи это событие попало из греческих хроник, но в искаженном виде и с хронологической ошибкой (поход был не в 852 г., а в 860-м).

Вскоре, однако, мирные отношения были восстановлены, и к 867 г. состоялось событие огромного культурного значения: Русь получила из Византии епископа и частично приняла христианство, через несколько лет на Руси уже было архиепископство.

Поход 874 г. Аскольда на Византию был неудачен, и можно думать, что это облегчило Олегу захват Киева.

16. После Олега, первого князя объединенной Руси, норвежца, княжившего только по малолетству его племянника, законного наследника, Игоря, княжил последний. Отец Игоря Рюрик – славянин, мать – норвежская княжна, родился Игорь на Руси и женат был на псковичке Ольге, славянке из рода Гостомысла. Княжение его не было весьма удачным. Хотя он и удержал в подчинении племена, объединенные Олегом, поход его на Византию окончился неудачей. Второй поход, хотя и обошелся без пролития крови и принес контрибуцию со стороны греков, все же был завершен договором менее выгодным, чем договор Олега с греками. Убийство его древлянами привело к регентству Ольги и войне ее с древлянами, ибо сын ее Светослав был еще маленьким мальчиком.

Следует отметить, что убийство Игоря произошло из-за его жадности, – получивши от древлян дань, он стал требовать ее вторично: это уже вызвало возмущение древлян. Интересно, что русские летописи умалчивают о причине смерти Игоря, византийские же источники говорят об этом подробнее: Игорь был схвачен древлянами, привязан к двум елям, пригнутым вниз, затем ели были отпущены, и Игорь разорван.

Предания летописи о мести Ольги отражают ее гнев по поводу столь бесчеловечной расправы с ее мужем.

17. Ольга была чистокровной славянкой, псковичкой, сани, на которых она ездила, хранились еще долго в Пскове, что отметила даже летопись. Отмстив древлянам за смерть мужа, она сумела удержать все остальные племена в подчинении, навела порядок внутри государства и внешними войнами не занималась. Государство под разумным управлением Ольги крепло и шло по пути процветания.

Крещение Ольги состоялось, по-видимому, в 955 г. в Царьграде. Обращение ее в христианство имело приватный и, по-видимому, секретный характер. Христианство при ней заметных успехов не имело, не удалось ей обратить в христианство и сына своего Светослава, несмотря на все свои старания. Народ в массе стоял еще на стороне язычества.

18. Незадолго до ее смерти на престол вступил Светослав, чистый славянин по крови, шедший твердо в одной линии с народом в своем язычестве. Сильный телом и духом, Светослав был типичным завоевателем, действительные интересы народа для которого были чужды. В борьбе, в добыче, взятой в войне, он видел цель жизни и пренебрегал интересами государства.

Напрасно современные советские историки видят в его поступках шаги разумного, полезного государственного деятеля, – Светослав был авантюристом вроде Ричарда Львиное Сердце, все устремления которого были к тому, чтобы подраться.

Дела Новгорода его вовсе не интересовали, о Киеве он прямо заявлял, что ему там жить «нелюбо». История давным-давно уже вынесла о нем свой верный приговор устами киев-

лян-современников. «Княже, – говорили они, – ты ищешь чужой земли, а своего пренебрегаешь».

Положительным в его попытке было то, что он присоединил крепче некоторые восточнославянские племена и совершенно разгромил хазар. При нем границы Руси приближались к ее этнографическим границам.

Честолюбивые мечты приводили Светослава к мысли даже о захвате Царьграда, но война с Византией в Болгарии окончилась неудачей, и по пути в Киев он был убит печенегами в засаде на Днепре.

19. Ярополк был сыном Светослава, по-видимому, от венгерской княжны. Вероятно, под влиянием своей бабушки Ольги он имел большое расположение к христианам, это вызывало большое недовольство народа Ярополком, которого летописи изображают человеком мягким и справедливым. Христианином он не был, но его очевидные симпатии к христианству дали повод к тому, что кости его и его брата Олега были впоследствии крещены.

Мы не знаем, что вызвало столкновение его с братом Олегом, но в результате Олег погиб во время бегства, будучи сброшен вместе с конем в ров на узком мосту.

В смерти Олега Владимир, средний брат Ярополка, но от другой матери, увидел опасность и для себя и бежал из Новгорода за море за военной помощью варягов.

Вернувшись с варягами (кто они были по национальности, в сущности, неизвестно), Владимир занял Новгород. В Полоцке во время столкновения с полоцким князем Рогволодом он захватил дочь последнего, отказавшую ему в сватовстве и уже засватанную за Ярополка, сделал ее насильно своей женой и тем усугубил разнь с братом.

Благодаря подкупу воевод Ярополка Добрыней, дядей Владимира по матери, в битве одержал верх Владимир. Из дальнейших событий ясно, что Владимир обещал воеводам Ярополка твердый курс на язычество. Когда Ярополк был предательски убит (не следует забывать, что Владимир был братоубийцей), Владимир сел окончательно в Киеве и начал воздвигать кумиры, исполняя обещанное.

20. Владимир был незаконным сыном Светослава и Малуши, девки-ключницы у княгини Ольги.

Превращение славянки Малуши норманистами в скандинавку Малфред является примером беспардонной научной лжи: отец ее был Малко из города Любеча – явный славянин, брат ее был Добрыня, имя которого явно говорит о его национальности, сама она была Малушей, местной дворовой девкой, и недаром гордая полоцкая княжна Рогнеда отказалась выйти замуж за Владимира, сына рабы («не хочу розути робичича»), но приняла предложение Ярополка, сына от того же отца, но от благородной матери.

21. Владимир был истым сыном русского народа и по происхождению, и по своей политике. Ведя многочисленные войны, он объединил все восточнославянские племена, в том числе и Червоной Руси (Галиции) и распространил границы своего государства до этнографических границ.

В противоположность отцу он захватнических войн не вел и, доведя границы государства до этнографических пределов, целиком занялся консолидацией сил государства.

Женитьбой своей на византийской царевне, первой невесте всей Европы, в руке которой было отказано сыну германского императора, Владимир покрыл свое полуплебейское происхождение и поставил династию в уровень с наиболее знатными династиями Европы.

Есть данные, позволяющие думать, что он добился от Византии и большего ранга в лестнице владетельной иерархии. По крайней мере, на монетах он изображался в короне и царском облачении.

22. Огромную роль в жизни Руси сыграло принятие Владимиром христианства как государственной религии. Шаг этот был сделан после долгих взвешиваний, испытаний различных

вер и был исключительно политическим шагом, выдвинувшим Русь в ряды первостепенных государств Европы.

Крещение Владимира состоялось в Корсуни (в Крыму) поздней осенью 989 г. или ранней весной 990 г.

Крещение Руси в Киеве состоялось в 990 г. (а не 988!). Расхождение в датах и месте крещения Владимира в разных источниках объясняется тем, что религиозные источники стремились скрыть факт, что Владимир принял христианство не из моральных, а из государственных соображений. Эти источники стремились для канонизации Владимира изобразить дело так, что крещение было личным желанием Владимира, в этом случае они видели основу для канонизации, в котором Византия отказывала и отказала. Поэтому они называли годом крещения 988-й, а местом – Русь.

Новая религия послужила мощным орудием объединения разноплеменного государства в одно целое, создала общий язык (язык религиозного культа⁴¹) и тем привела к русификации нерусских племен и укрепила положение князя (Бог был самодержцем на небесах, князь же – на земле), 23. Владимиром были введены замечательные новшества: принудительное обучение грамотности и вообще наука детей зажиточных классов, забота о больных и немощных, изданы разумные, гуманные законы (отменена, например, смертная казнь, по-видимому, впервые в Европе). Желание учиться и заимствовать что-то хорошее у других народов дало основание Владимиру для посылки особых посольств в Царьград, Рим, Египет, Иерусалим, Вавилон и т. д., именно для «соглядания» чужих законов, обычаев и пр., тем самым толкнуло Русь на путь быстрого культурного развития.

Сам Владимир был человеком с чрезвычайно широким кругозором, но вместе с тем он не был сухим, «головным» человеком: он любил пиры, веселье, искусство, женщин и т. д. Причем его пиры не были актом замкнувшегося в своем довольстве человека, – он пировал со всем народом и был чрезвычайно щедр.

Именно эта близость к народу и создала ему нежное прозвище – Красного Солнышка, народ любил его беззаветно и донес эту любовь в былинах до настоящего времени.

За время существования Руси, а затем России было только двое гигантов: Владимир Великий и Петр Великий. Оба круто изменили всю жизнь народа: один введением христианства и гуманности, науки, другой вторичным сближением с Европой после 300-летней татарской тьмы.

Однако, как личности, они несравнимы, – Владимир овеян любовью народа и благодарной памятью, о Петре народ молчит, и не без основания, ибо Петр гуманностью не отличался.

24. О Светополке Окаянном мы знаем очень мало. После смерти Владимира он немедленно совершил тройное братоубийство и захватил власть в свои руки. Ярослав, предупрежденный вовремя сестрой, уцелел и в происшедшей затем схватке одержал верх. Светополк бежал куда-то за границу и неизвестно где скончался в горячке.

Стремление некоторых католицизирующих историков изобразить Светополка светлой личностью из-за его симпатий к Риму показывает наглядно всю глубину морального падения их: личность, проклятую всем народом, они зачисляют в свои друзья и гордятся близостью к тройному братоубийце⁴².

⁴¹ Церковнославянский язык в основе своей близок языку древнеболгарской книжности и вместе с тем отражает многие лингвистические особенности заключительной фазы общеславянского единства. Поэтому распространенное разговорное именование его «старославянским» имеет под собой определенные основания; этот язык – сам по себе своего рода исторический памятник. – *Примеч. ред.*

⁴² Некоторые источники той эпохи свидетельствуют, что история этой жестокой княжеской усьобицы была более сложной и запутанной. Однако С. Лесной, безусловно, прав в том, что расстановка этических акцентов самим народом (и, добавим, церковной традицией) тоже представляет собой очень важный исторический источник. – *Примеч. ред.*

25. Кто была мать Ярослава, до сих пор с точностью не установлено. Летопись утверждает, что он был сыном Рогнеды. В какой степени отталкивающая картина овладения Рогнедой отвечает действительности, мы не знаем. Знаем, однако, что, овладев ею по праву завоевателя, он⁴³ сделал ее настоящей, законной женой, вероятно, из-за княжеского ее рода. Есть сведение, что, женившись на Анне, Владимир официально известил Рогнеду о переходе своем в христианство и женитьбе, т. е. проявил к ней полное уважение. Была ли Рогнеда скандинавкой или славянкой – неизвестно. Известно только, что отец ее был Рогволод «из-за моря», но он мог быть и заморским славянином подобно Годлаву, отцу Рюрика.

Утверждения норманистов – только догадка, далеко не бесспорная, тем более что имя Рогволод (аналогия: Всеволод) – имя славянское, а сама Рогнеда была настолько «скандинавкой», что в отказе Владимиру употребила типичнейшую славянскую подробность (не славянка так не выразилась бы)⁴⁴.

Вся жизнь Ярослава протекла в тесном общении с Новгородом. Ставши великим князем в Киеве, он дал особые права Новгороду, к сожалению, в чем они заключались, история не сохранила. Этими правами новгородцы очень гордились и удержали их до самого разгрома их Москвой, сначала Иваном III, а затем окончательно Иваном IV.

Вообще в Киевской Руси Новгород был второй столицей, и князь, сидевший в Новгороде, был обычно кандидатом на престол в Киеве.

Ярослав воевал довольно много, но это были большей частью войны за власть. Внешних, завоевательных войн он почти не вел. При нем Русь заняла одно из самых блестящих мест в Европе. Прежде всего, этому способствовали широкие династические связи: Византия, Франция, Венгрия, Польша, Норвегия, Германия и т. д. были связаны с Русью браками с членами семьи Ярослава. Достаточно сказать, что дочь его Анна правила Францией.

Киев при нем был расширен, укреплен и украшен. Иностранцы видели в нем соперника Царьграда. Ремесла и торговля процветали. Культура достигла весьма высокой степени развития, это был апогей Древней Руси.

На этом мы и остановим пока изложение конспекта.

Из изложенного явствует, что действительная картина событий на Древней Руси была значительно иной, чем это обычно представляется. Как и почему могло случиться, что историки создали неверную картину?

Причина первая: недостаточная разработанность русских первоисточников. Русские летописи и другие источники вроде «Русской Правды», договоров, грамот, различных записей и надписей и т. д. исследованы весьма недостаточно. Существуют сотни мест, которые понимаются различно, вернее, совершенно не понимаются. Естественно, имея такой исходный материал, историки плохо владеют им и не могут взять из исторического наследия то, что там в действительности есть.

Не только отдельные слова, выражения или фразы остаются темны, темным оказывается в силу разных причин часто и весь контекст. Хронология событий часто шатка, а подчас и вовсе не верна. Многие места интерпретированы неверно, но эти неверные объяснения стали уже каноном, и никто не обращается к первоисточнику, чтобы узнать правду. Нет сводки летописи, где текст был бы выверен по всем имеющимся спискам, и мы до сих пор не имеем возможности прочитать ее без пропусков, вставок, ошибок, описок и т. д. До сих пор не издан свод всех летописей, много было сделано, но не завершено. Есть летописные списки, до сих пор не опубликованные. Наконец, многие труды, например «История» Татищева, заключающая в себе выписки из оригинальных, но ныне исчезнувших рукописей, стали библиографической

⁴³ То есть Владимир. – *Примеч. ред.*

⁴⁴ Знаменитая фраза: «Не хочу розути робичича», сына рабыни. – *Примеч. ред.*

редкостью⁴⁵. Многие труды, изданные по-латыни или даже по-немецки в XVIII и XIX столетиях, остались непереуведенными.

Для всей этой колоссальной черновой работы у историков не хватает рук, и помощь им со стороны филологов, диалектологов, географов и вообще просто людей, интересующихся историей, крайне необходима.

Причина вторая: недостаточная разработанность иностранных первоисточников, касающихся истории Руси. Огромное латинское, греческое и на других языках наследство не переведено и не комментировано⁴⁶, а между тем из этих источников мы узнаем подчас гораздо больше, чем из русских летописей, например, о войнах Светослава. Русь жила не в пустоте, а среди других народов, поэтому без детальнейшего знания хроник, актов, договоров, историй, агиографической литературы, отчетов путешественников и т. д. соседних народов нельзя написать истинную историю Руси. Интереснейшие сведения мы находим у мусульманских писателей, но, кроме устаревшей и ставшей библиографической редкостью работы Гаркави⁴⁷, мы ничего не имеем. «История Польши» Длугоша⁴⁸ на латинском языке, написанная с использованием древних русских, ныне погибших летописей, вообще не переведена и т. д.

Нет свода грузинских, армянских авторов – свода отрывков о Древней Руси. Кому это делать, как не русским историкам и филологам: выуживать хотя бы краткие отрывки о Руси из иностранных источников, не иностранцам же? А между тем мы видим, что данные иностранных источников подчас исключительно важны, например, в вопросе о времени и крещении Владимира Великого.

Издания свода иностранных авторов даже не начато. Конечно, пренебрегая таким материалом, истории верной, неподдельной написать нельзя, равно как нельзя и передоверять этого дела иностранцам, достаточно для этого посмотреть на писания Баумгартена, Таубе, Стендер-Петерсена и др.

Причина третья (и, может быть, основная): несовершенство научного метода историков. Выражается это в следующем:

1) У историков нет стремления прежде всего к точности, достаточно одного примера с основной датой русской хронологии. Началом русской хронологии летопись берет 6360 г. «от Сотворения мира»; естественно узнать, что это за год в счислении «от Рождества Христова». Существует несколько мнений: одни считают, что Христос родился в 5500 г., другие в 5506 г., третьи, наконец, в 5508 г. – «от Сотворения мира». Всякий исследователь, следующий точному, логическому методу, прежде всего задастся вопросом: какое же счисление было принято русскими летописями? Несколькими строками ниже об этом сказано косвенно, надо только проделать два арифметических действия – сложение и вычитание. Ни один историк этого не сделал, в результате вместо 860 г. в основу был взят 852-й. Разница в 8 лет для основной даты нешуточная, из нее проистекали дальнейшие ошибки. Не заметили и того, что греческий проповедник, рассказывая историю мира Владимиру, прямо сказал, что последний⁴⁹ родился в 5500, а не 5508 г. от Сотворения мира. Там, где нет точности, нет науки.

⁴⁵ Сейчас работы В. Н. Татищева и его единомышленников переизданы и стали доступны широкому кругу читателей. С переводом старинных латинских и немецких источников, где действительно есть очень важные сведения о славянах, ситуация пока ненамного лучше, чем во времена С. Лесного. – *Примеч. ред.*

⁴⁶ В этом плане необходимо упомянуть академическое, исключительно содержательное двухтомное издание «Свод древнейших письменных известий о славянах» (М.: Наука, 1991 и 1995), охватывающее все I тысячелетие нашей эры. – *Примеч. ред.*

⁴⁷ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. – СПб., 1870. Узкоспециальные исследования по этой проблематике в современной России ведутся, но они, как правило, не выходят за рамки малотиражных научных изданий. – *Примеч. ред.*

⁴⁸ Ян Длугош (1415–1480) – польский историк и католический священник, написавший «Историю царства Польского в двенадцати томах». – *Примеч. ред.*

⁴⁹ Имеется в виду Христос. Фраза не доработана С. Лесным. – *Примеч. ред.*

2) Историки воспринимают факты как-то беспредметно, вне связи со временем, пространством и условиями, примеры: а) при перечислении событий от Сотворения мира все время идет в летописи счисление «от» и «до»; если мы суммируем все цифры, мы не получим необходимой 6360, а на 54 года меньше; это было замечено, но причина этого не раскрыта. А между тем в тексте сказано: «От Давида и от начала царства Соломона». Как же может быть срок от царствования двух царей сразу? Ясно, что в тексте был пропуск переписчика: был указан срок от Давида и до Соломона, но переписчик перескочил через 2–3 слова, и случился пропуск в 54 года. Такой элементарной вещи не открыли, хотя это доступно всякому сообразительному мальчишке; б) общеизвестно, что значение многих русских слов с течением времени изменилось, значит, при чтении древних текстов нужно соблюдать крайнюю осторожность, в особенности если это касается церковнославянского языка, этого не принимали во внимание, отсюда ложнотолчения: «нача ся прозывати Русьская земля» вовсе не означает, что с этого времени Русская земля получила свое название (это просто нелогичность, глупость), а означает, что Русская земля впервые упомянута в греческой летописи; далее: «попяша по себе всю Русь» вовсе не означает «взяли с собой всю Русь», а «взяли для себя», т. е. поделили между собой, всю Русь, – ведь в древности говорили «попяи по себе жену», что означало «взять для себя»; наконец – «от варяг бо прозвашася Русь» вовсе не означает, что из-за варягов словене⁵⁰ стали называться Русью, а варягами они стали называться Русью, ибо пришельцы не делали различия между новгородцами и киевлянами, для них это было единое племя и т. д. Наша история пестрит такими ложнотолчениями; в) историки не делают разницы между предполагаемым и доказанным, достаточно кому-то, в особенности авторитету, высказать вероятное предположение, как оно делается каноном, и никто не думает, что это только вероятная гипотеза; г) историки склонны к бесконтрольности фантазии и не чувствуют никакой ответственности за сказанное; достаточно кому-то сказать, что русы египетского происхождения, как с этим начинают считаться, стопроцентную глупость начинают комментировать, уделять ей внимание и даже подхватывать; е) среди историков нет того, что имеется среди представителей точных наук: наказуемости за свои ошибки; достаточно историку защитить докторскую диссертацию, т. е. доказать свою способность к научным исследованиям, как ему открывается широчайшее поле для бесконтрольной деятельности, толкуемой как свобода научной мысли.

В результате история засоряется тысячами нелепых теорий, утверждений, ложнотолкований. У представителей точных наук иначе, там после того, как ученый сделал ряд крупных ошибок, с ним перестают считаться, и он скоро почти автоматически выбрасывается из среды ученых. У представителей точных наук не может случиться, чтобы, пишучи (допустим, как сравнение) историю Древней Руси в норманистском духе, ученый не сказал, что существуют и антинорманистские школы, не обсудил все «pro» и «contra» и т. д. – этого не может допустить его научная совесть, его научное «credo», у историков это осуществляется легко и безнаказанно.

Причина четвертая: необыкновенная податливость историков давлению сильных мира сего. Когда-то историки вообще представляли собой восхвалителей, конечно за деньги и почести, своих повелителей. В настоящую эпоху, когда мы имеем уже университеты и академии наук, казалось бы, у историков должно бы найтись объективности, хотя бы для изложения того, что было тысячу лет тому назад, но этого нет, и тяжелое наследие до сих пор еще тяготеет над исторической наукой.

Если личное угодничество сейчас уже не имеет столько места, как прежде, имеются другие формы угодничества: политические, национальные, религиозные и т. д. Чего стоит, например, одно религиозное угодничество ренегатов Баумгартена⁵¹, Таубе и других перед католи-

⁵⁰ Новгородские словене. – *Примеч. ред.*

⁵¹ С. Лесной имеет в виду Николая Александровича Баумгартена (1867–1939) – историка-генеалогa, автора работ о князьях

цизмом. А между тем им верят как ученым, хотя они порой спускались до уровня научного мошенничества. Исследования их настолько тенденциозны, что не могут приниматься во внимание истинной наукой.

Чисто политической, т. е. удовлетворяющей интересам немецкого шовинизма, приютившегося у трона в России, была и норманнская теория. Исследуя нашу историю объективно, мы видим, что скандинавы-германцы не сыграли в ней решительно никакой достойной внимания роли. Ни завоевателями, ни организаторами они не были. Они появлялись как наемная военная сила и немедленно удалялись, когда внутренние военные конфликты заканчивались. Во внутренней политике они также никогда никакой роли не играли, мы, например, не знаем ни одного дворцового переворота, в котором скандинавы сыграли бы роль.

Все было выдуманно досужими прогерманствующими историками, не желавшими обратить внимание на тот неоспоримый факт, что в иностранных источниках, которые в первую очередь должны были говорить о завоевании Руси, о правах германцев на престол и т. д., нет ни слова об основах норманнской теории⁵².

Нигде на Руси скандинавы отдельных поселений не образовывали и скандинавских групп женщин, стариков и детей не было. Были только посетители, или иммигранты, но совершенно в ничтожном числе.

Вся норманнская теория основана только на ложной интерпретации русских летописей. Норманисты совершенно произвольно вставляли или выбрасывали слова, заменяли буквы в словах, меняя тем вовсе смысл, расставляли собственную пунктуацию и т. д., словом, получали то, что хотели получить. Все их писания только куча никуда не годной, исписанной бумаги.

Существует, наконец, особый род искажения исторической истины, удовлетворяющий главным образом личному самолюбию. Он в особенности в употреблении у лиц иностранного происхождения, но получивших образование в России. Эти лица, вернувшись после 1917 г. к себе на родину и зная отлично русский язык, пользуются у себя огромным авторитетом, но направляют свою деятельность в сторону фальсификации истории Руси либо потому, что желают польстить своему национальному шовинизму, либо удовлетворить свое чувство ненависти к тем, кто лишил их теплого, насиженного места. И тот и другой путь доставляет им и славу, и деньги.

Причина пятая, вернее, следствие всех четырех предыдущих, вместе взятых: игнорирование источников, противоречащих норманнской теории. Иоакимовская летопись, заключающая в себе историю Северной Руси до Рюрика, объявлена недостоверной и отодвинута в тень, многие отрывки Никоновской, Тверской и других летописей фактически в историю не включены, самое большее – они приведены с казенной ремаркой: «Происхождение данного известия в этой летописи неизвестно». «Влесова книга», находка которой объявлена в самом начале 1954 г., до сих пор не вызвала достаточно интереса, о ней историки-профессионалы молчат. Почему? Потому что она взрывает все корни их символа исторической веры. Допустим, что «Влесова книга» фальшивка, но это надо доказать! На деле же видим полное безучастие.

Вполне естественно, что, не пользуясь всеми историческими источниками, правдивой истории написать нельзя.

Здесь необходимо сказать о русском летописании. Оно было длительным и сложным процессом, его можно разделить на четыре этапа:

из рода Рюриковичей (Н. А. Баумгартен эмигрировал в 1920 г. и некоторое время работал в Ватикане). В роду российских немцев Баумгартенов было много других, более известных людей, в основном офицеров русской армии. Пожалуй, самый знаменитый носитель этой фамилии – немецкий философ, основатель эстетики как особой дисциплины, Александр Готтлиб фон Баумгартен (1714–1762). – *Примеч. ред.*

⁵² Исключительно точное замечание: в собственно германской исторической мысли до начала XX в. русофобских акцентов было несравненно меньше, чем у некоторых российских норманистов. – *Примеч. ред.*

1. Эпоха языческого летописания, эпоха «Влесовой книги». Это летописание, по-видимому, использовано только в самой незначительной мере, ибо последующие летописания были все христианскими и пользование языческими представляло собой религиозное преступление. Не только ссылаться на такой источник, но даже держать его в руках было делом наказуемым. О существовании этого летописания, очевидно, летописцы христиане были осведомлены, но не прямо, а косвенно, через народные предания. Эта эпоха наукой совершенно не изучена, однако она внесет, вероятно, огромные изменения в нашу историю.

2. Эпоха хроники, т. е. погодной записи событий в весьма краткой форме. От этой эпохи остались только следы в южных записях. Эту эпоху мы назвали условно аскольдовой, ибо имеются совершенно точно датированные погодные записи с мелкими, чисто киевскими событиями времен Аскольда. Выдумывать такие известия, как падение больших дождей, налет саранчи и т. д., позднейшим летописцам не имело никакого смысла, такие известия, безусловно, аутентичны.

3. Эпоха перво летописи, эпоха, когда была сделана попытка впервые дать историю Руси, т. е. последовательное и подробное изложение событий, часто с объяснением условий и мотивов действий, и все это уже на фоне всеобщей истории. Эту эпоху следует назвать иоакимовской. Перво летопись, по-видимому, была новгородской, но именно в Иоакимовой записи, все же другие новгородские летописи являются в своей основе только сокращенным изложением несторовской (см. ниже).

Поэтому перво летописцем следует считать Иоакима, а не Нестора, жившего почти сто лет спустя после написания Иоакимовской летописи. Иоаким, будучи епископом († 1030), посланцем Византии, по национальности, безусловно, славянином, ибо только лица со знанием русского языка могли быть посланы для обращения новгородцев в христианство, был несомненно высокообразованным человеком. Отсюда и широкий план летописи, и ссылки на греческие источники, и принятие в основу летосчисления царствование греческого императора, и упоминание о распространении христианства у средневропейских и южных славян и т. д.

4. Эпоха Нестора, эпоха тенденциозной истории, основанной на «выпячивании» династии Рюриковичей, затушевывающей наличие нескольких древних восточнославянских государств (по крайней мере, Новгорода, Полоцка), затушевывающей историю долгой и упорной борьбы с язычеством и т. д.

Нестор, простой монах, с кругозором, несомненно, более узким, чем у епископа Иоакима, заимствовал у последнего все вступление к летописи и выбросил все, что касалось Новгорода и могло мешать его главной задаче – возвеличению киевских князей.

К этому он добавил ряд народных преданий об исторических личностях, не заботясь особенно об их точности и логичности, использовал некоторые официальные документы, прежние хроникальные записи и... винегрет из русской истории, годный для массового читателя, был готов.

Будучи идеологически целеустремленным, этот винегрет играл на руку киевским князьям и поэтому был признан официальной историей. Летопись Иоакима и документы, ей подобные, были отодвинуты далеко в архивы и постепенно изъяты из обращения. Только счастливая случайность спасла в рамках⁵³ малоученого монаха старинную Иоакимовскую летопись и передала часть ее в руки Татищева.

Историографы не разобрались в сущности русского летописания и приняли несторовский вариант, безусловно тенденциозный, за настоящую историю.

Иоакимовской летописи просто не поверили, ибо она совершенно разрушала установившийся канон.

Испытующая исследовательская мысль была подавлена политическими тенденциями.

⁵³ Вероятно, «в руках» (?). – *Примеч. ред.*

Ныне говорить о призвании варягов-скандинавов не приходится (пригласили западных славян, называвшихся также «варягами»), поэтому Иоакимовская летопись всплывает сама собой, а вместе с ней восстанавливается и остальная историческая правда.

Справедливость требует отметить, что восстановление истины целиком принадлежит нам. До нас ни один историк истинного значения Иоакимовской летописи не понял⁵⁴.

Итак, историки не разобрались в относительной ценности различных первоисточников, — отсюда и дальнейшие ошибки. Хроникальные записи существовали уже при Аскольде. 872 г. может считаться первой точной датой оригинальной русской летописи, упомянувшей об убийстве болгарами сына Аскольда⁵⁵.

С появлением Рюриковичей в Киеве, вызвавшим, по-видимому, разгром первичного христианства там, хроникальная запись, вероятно, прекратилась, возобновившись только почти 100 лет спустя. Только этим можно объяснить поразительную бедность и неконкретность сведений летописи в эпоху первых Рюриковичей.

В эпоху Владимира Великого начинаются, очевидно, снова хроникальные записи, а затем, надо полагать около 1000 г., появляется первая настоящая (Иоакимовская) летопись. Вряд ли стоит добавлять, что никакого «Начального свода» Шахматова или «Сказания о распространении на Руси христианства» Лихачева не было, — это ученые фикции, не подтвержденные фактами. Наконец, беспристрастность летописи — это вредный миф, которым историк не должен позволить себя одурачить⁵⁶.

Теперь перейдем к некоторым общим выводам нашего конспекта. Наши прежние историки совершенно умалчивали, а современные историки (главным образом советские) только начинают говорить о древней, дорюриковской истории Руси. До сих пор Русь всплывала на арену истории совершенно неожиданно, неоправданно, как с неба свалившийся метеор.

На самом деле история Руси (даже с самым именем «Русь») прослеживается на несколько веков глубже.

Под другими же названиями славяне (и восточные в том числе) появляются уже в первые века нашей эры, и нет ничего удивительного, если со временем будет окончательно доказано, что «скифы-пахари» Геродота были восточные славяне.

Таким образом, у нас отнята вся дописменная и значительная часть письменной истории. Трагедия в том, что до сих пор в западноевропейской науке царит полностью норманнская теория, там до сих пор царит эпоха средневековых предрассудков, и целый ряд блестящих умов стоит совершенно в стороне от разработки истинной истории Руси в аспекте всей Европы. Печальнее всего то, что там к обскурантизму примешивается даже мелкое шарлатанство.

Далее, на основании новейших исторических, археологических и других данных можно считать неопровержимо установленным, что культура Древней Руси, весь уровень ее жизни, были гораздо выше, богаче, разнообразнее и, главное, самостоятельнее, чем это утверждали норманисты.

В момент появления Рюрика в Северной Руси (вернее, Словении⁵⁷) восточнославянские племена от устья Волхова и до устья Днестра, от Карпат и до Ростова и Суздаля стояли уже на весьма высокой ступени развития. Это были оседлые, преимущественно земледельческие племена, имевшие многочисленные города и значительное население.

Целый ряд ремесел был широко распространен, и многие из них стояли на весьма высоком уровне. Искусство, свое, местное, не отставало от других сторон жизни, свидетельствуя о значительном материальном благосостоянии. Сомневаться теперь в этом не приходится, ибо

⁵⁴ Разумеется, если не считать В. Н. Татищева. — *Примеч. ред.*

⁵⁵ По Никоновской летописи, это произошло в 864 г. — *Примеч. ред.*

⁵⁶ При всей важности летописных источников нельзя не согласиться с теми историками, которые сравнивают их (по степени достоверности) с сагами либо эпическими преданиями. — *Примеч. ред.*

⁵⁷ Конечно, в значении «земля новгородских словен». — *Примеч. ред.*

на Руси найдены формочки для литья разных сложных украшений, материал для этого литья, бракованные экземпляры и самые изделия тут же рядом. Никто не может сказать теперь, что бракованные вещи привозили из-за границы.

Весьма вероятно, что уже во времена Рюрика на Руси имелась особого рода письменность, о чем свидетельствуют берестяные грамоты Новгорода, «Влесова книга» и другие материальные памятники.

Существовала не только внутренняя, но и внешняя торговля и на высокой стадии, т. е. когда металлические деньги и меха служили средствами торгового обращения.

Имелась своя оригинальная меховая система торгового обращения.

Восточнославянские племена были уже настолько культурны и вовлечены в общую жизнь других племен Европы, что были осведомлены, что делается на Дунае, у хазар, в Прибалтике и в других странах. Они прошли долгий путь развития и обладали вполне сложившимся государственным строем. Они образовывали группы, федерации даже с чужими племенами и распадалась (еще до Рюрика) на два-три настоящих государства, воевавшие, заключавшие международные военные и торговые договоры и т. д.

Новгород, далее, вовсе не был началом Русского государства, он был только началом новой династии (Рюриковичей), которая, прокняжив здесь двадцать лет, оставила его для Киева и уже никогда в него не возвращалась. Новгород сыграл только роль трамплина для Рюриковичей. Настоящим началом Руси был Киев, и до Рюриковичей бывший уже государством.

Историками была допущена огромная ошибка: они отождествили начало Рюриковской династии с началом Русского государства, этот угоднический факт навсегда останется позором для исторической науки. Не Рюриковская династия создала Русское государство, а Русское государство выдвинуло Рюриковскую династию.

Слово «Русь» никакого отношения к норманнам-скандинавам, *alias*⁵⁸ германцам, не имеет, во всех исторических источниках наших, западноевропейских, арабских и т. д. оно относится только к славянам. Если арабы различали «славян» и «русов», то это было различием племенным, а не национальным.

Вся трагедия норманнской теории заключается в том, что Рюриковичи были чистыми славянами, а не германцами. Из слов летописца явствует бесспорно, что варягами называли не только скандинавов-германцев. Вся эта теория – плод сплошного недоразумения, в точной, объективной исторической науке ей нет вовсе места. Теперь о ней нельзя сказать, что она научная теория и что, мол, одни могут ее признавать, а другие отрицать. Основа ее оказалась фактически ложной, а потому ей вообще сейчас не место в науке.

⁵⁸ Иначе говоря (*лат.*). – *Примеч. ред.*

6. Несколько слов «pro domo sua»⁵⁹

Из писем друзей, из критики противников для нас ясно, что нас не совсем верно понимают, приходится объясняться. Нас упрекают, во-первых, что в нашей работе много полемики. Это верно, но этого требует суть дела: когда приходится опровергать веками установившуюся ложную теорию, нельзя обходиться общими местами и неясными фразами, нужны факты, факты и факты, и мы это делаем, критически разбирая и указывая ошибки главным образом историков в зарубежье.

Нами разобраны работы: Вернадского, Ковалевского, Беляева, Баумгартена, Таубе, Стендер-Петерсена, Васильева и других современных ученых, писавших о Древней Руси. Не оставлены без критики и советские историки: Б. Д. Греков, Д. С. Лихачев, С. А. Жебелев, М. П. Тихомиров и др. Много внимания было уделено и критике более старых ученых, своих и зарубежных. Поэтому никто не может упрекнуть нас в пристрастии, досталось «всем сестрам по серьгам».

Сделано это было в силу следующих соображений: во-первых, работы историков в зарубежье почти совершенно не подверглись критике: по ту сторону «железной завесы» работы историков зарубежья вообще неизвестны, их не критикуют, а если иногда и делают это, то только большей частью в форме огульной политической брани и всегда в высшей степени кратко. Между тем написанное в зарубежье, в значительной степени используется иностранцами и входит в сокровищницу всечеловеческого знания, т. е. неверные представления о Древней Руси.

По эту сторону «железной завесы» работы эти также в сущности не критиковались, ибо прежде всего нет печатных органов, где можно было бы напечатать критику (реально критические обзоры заключаются всего в нескольких десятках строк и очень редко нескольких страниц). Далее, все зарубежные историки оказались по тем или иным причинам сторонниками норманнской теории, и, естественно, от их критики не могли полететь пух и перья.

Таким образом, интересующийся историей Древней Руси *volens-nolens*⁶⁰ мог плыть только в фарватере норманнской теории. Мы же показали, что в зарубежье имеются представители и антинорманнской школы и что зарубежного читателя, в сущности, держат в темноте, порой даже и просто обманывая. Читатель может убедиться, что мы общими местами не отделывались, а подробнейшим образом обосновывали свою критику.

Во-вторых, разбирая критически работы старых и новых, своих и зарубежных, больших и малых ученых, мы стремились показать, что дело не только в самих деталях, а в ложном методе историков, позволяющем ошибаться чуть ли не на каждом шагу всем историкам. Без конкретных примеров обойтись было нельзя.

В-третьих, в полемике гораздо легче показать читателю суть дела, обратить его внимание на разные стороны проблемы, наконец, вообще заинтересовать его.

Некоторые полагают, далее, что критика не конструктивна, что она не двигает науку вперед. Это верно только отчасти, именно в том случае, когда что-то разрушают, а взамен ничего положительного не дают. В нашем случае это не имело места: мы всегда, указав на ошибочное решение, давали и верное, вопросами же, на которые нельзя сказать ни «да», ни «нет», мы не занимались, вернее, не опубликовывали их.

Наконец, критика, будучи по принципу своему разрушительна, все же оказывает огромное положительное влияние, прекращая бесполезную работу в каком-то ложном направлении. Экономия сил и времени – это уже нечто весьма положительное.

⁵⁹ «За свой дом» (лат.), то есть в защиту собственных интересов. – *Примеч. ред.*

⁶⁰ Волей-неволей (лат.) – *Примеч. ред.*

Многие, наконец, указывали, что критика наша, будучи по сути дельной и справедливой, слишком уж резка по форме, «недопустима» и пр. Если бы речь шла об обычной научной теории, мы, конечно, не допустили бы подобных выражений. Но дело идет не о частности, не о научной теории, а о том, что из научной теории сделали политическое мировоззрение, спускаясь для его обоснования порой до явного научного мошенничества.

Происходит колоссальный обман общественного мнения всего мира, обман, длящийся почти 200 лет, при котором у родного народа отняты не только его честь, но даже его имя. Наши славные предки оплеваны, их подвиги, каторжный труд приписаны другим, из достаточно культурных, передовых людей своего времени из них сделали дикарей и т. д.

Целым поколениям вбивали в головы, что русские ни к чему путному не способны, что они народ «неисторический» и т. д. Всячески изыскивали доказательства того, что русские должны быть рабами, ибо к самостоятельному существованию не способны. И все эти «доказательства» сводились к одному: обоснованию политических прав царствующих династий, к добыванию личных материальных выгод и славы, основываясь только на попрании истины.

Если бы это были просто ошибки или нечаянный самообман, то с таким фактом еще скрепя сердце можно было бы согласиться. Но ведь на деле было другое. Историк Иловайский доходил до явного двурушничества: для народа он писал учебники, где он был норманистом, а для науки он писал монографии, где он был ярким антинорманистом. Учебники давали ему деньги и дома в Москве, а ученые труды – славу.

Можем ли мы закрывать глаза на подобные факты? Нет, не можем. Здесь не только наука, но и политика и личная выгода. Наши резкие выражения направлены не против научных противников, а против бесчестных действий некоторых историков как граждан.

Нельзя делать из научного звания своего рода «дипломатическую неприкосновенность», и именно в отношении теории, основа которой не наука, а политика вообще и личного кармана в частности.

Если некоторые не видят, что к науке примешано политиканство, то пора им открыть глаза: именно против политиканства направлены наши возражения. Именно оно заставляет Томсена, при подсчете процента скандинавских имен среди членов посольства Игоря, группу имен, которые он не может отнести к скандинавским, все же отнести к последним.

Именно оно заставляет Баумгартена, вооруженного всеми данными истории, в том числе и арабскими источниками, считать и доказывать, что Владимир Великий принял не православие, а католичество.

Именно оно заставляет норманистов проделывать совершенно необоснованные манипуляции с текстом летописей, чтобы достигнуть норманистских толкований.

Именно оно заставляет Стендер-Петерсена в статье о влиянии варягов на Киево-Печерский монастырь видеть доказательство этого в том, что варяг Шимон перешел в православие со своей многочисленной челядью, а ведь здесь влияние монастыря на варяга, а не наоборот!

Скажите, пожалуйста, будет ли целесообразно обращаться к людям, утратившим научную совесть, со словами увещания в академическом тоне? Мы делаем иное: мы шельмуем за предательство, за мошенничество, за личную выгоду, наконец, за патентованную глупость.

Мы требуем, чтобы из истории были изгнаны: беспардонная фантазия, политические и материальные расчеты, недостаточная критика, нечестные приемы для достижения заранее намеченных результатов, стремление блеснуть оригинальностью мысли (вроде теории, что русы происходят из Египта), наконец, просто несообразительность.

Может ли существовать настоящая, точная наука там, где, например, в 1949 г. один из ученых пишет: «В 775–785 гг. шведы высаживаются на финском берегу и занимают Бирку (Бьеркэ), которая становится их складочным пунктом, так как их завоевания – не только военные, но соединены с открытием новых торговых путей». Общеизвестно, что Бирка (Бьеркэ)

находится не в Финляндии, а в Швеции, следовательно, шведам нечего было высаживаться в чужой стране, если Бирка находилась в их собственной⁶¹.

Упомянутый ученый, имя которого мы предпочитаем не указывать, используя довольно дельную статью Беляева, не удосужился даже посмотреть на приложенную карту и не понял, что речь идет не о шведах, а о фризах, имевших в Бирке свою торговую факторию. Скажите, можно ли с таким легкомысленным отношением к делу писать «синтезы русской истории»?

Неужели по отношению к подобным коллегам, в писаниях которых ляпсус за ляпсусом, мы должны придерживаться стиля героев Пиквикского клуба: «Достопочтенный джентльмен позволил себе некоторым образом уклониться от истины, в изысканиях которой он сделал столько блестящих открытий», а не называть вещи своими именами?

Критикующие наш тон гуманитаристы не понимают того, что недопустим не тон, а метод, при котором можно безнаказанно писать классические глупости о Бирке. Не возмущаться тоном надо, а стыдиться, что своими действиями вызываешь у других такой тон. Неужели же наше справедливое негодование не может быть высказано только ради сохранения благопристойности академического тона? Не обижаться надо, а подтянуться. Сознаться в своих ошибках всегда не поздно и полезно.

Некоторые заметили, что заглавие нашего труда «ненаучно» и «неудобно». Совершенно верно, – но оно точно передает нашу основную мысль, что история Древней Руси извращена, и мы это доказали: 1) Русь была гораздо древнее; 2) гораздо культурнее; 3) развивалась самостоятельно и 4) германцам почти ничем не обязана.

⁶¹ Бирка – шведский раннесредневековый торговый центр – обычно отождествляется с островом Бьерке на озере Меларен, невдалеке от Стокгольма. – *Примеч. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.